

...Новые приключения неугомонного киммерийца..

Алан Уоттс

Скипетр мага

(«Северо-Запад Пресс», 2003, том 92 «Конан и Скипетр мага»)

Удушливый смрад затхлости и тлена, заставляющий людей морщиться и обматывать лица влажными тряпками, на человека в длинной жреческой хламиде впечатления не производил. Жрец с трудом продолжал сохранять надменно-равнодушный вид, хотя бледное, худое лицо так и светилось от еле сдерживаемой радости: наконец-то труды долгих десятилетий дали свои результаты! Долгие бдения над свитками и фолиантами, изыскания средств на раскопки в древнем городе, голод и жажда, иссушающее безжалостное солнце днем и адский холод ночью — вот лишь те немногие испытания, через которые вынужден был пройти четырнадцатый жрец Обители Спящих, маг восьмой ступени — Тот-ан-Хатеп.

Пытаясь сохранять спокойствие, жрец медленно спускался вниз по лестнице, наступая на валявшиеся под ногами кости, рассыпающиеся в прах от самого легкого прикосновения. Семенящий рядом надсмотрщик постоянно кланялся и, раболепно заглядывая в глаза Тот-ан-Хатепа, тараторил не переставая:

— Рабы сломали стену, о великий, и там узрели тайную комнату, в которую никто не осмелился ступить без вашего высочайшего соизволения. Сейчас, сейчас... Мы уже почти на месте! Еще один поворот...

Тот-ан-Хатеп прекрасно знал дорогу и изучил наизусть все тоннели внутри пирамиды, однако не прерывал речей трясущегося толстяка. Ему льстило хоть на миг оказаться властителем чужих жизней, пускай это была всего лишь горстка никчемных рабов.

Но для них сейчас он — царь и бог! Одно слово жреца могло решить их дальнейшую судьбу. Никто в храме не обращался к Тот-ан-Хатепу с подобным почтением. Оно и понятно: там он всего лишь четырнадцатый жрец, надзирающий за библиотекой обители, не обладающий никакой реальной властью.

— Ну ничего, теперь все изменится, — зло усмехнулся Тот-ан-Хатеп. — Скоро вы все будете ползать в пыли и лизать мои сандалии!

Наконец, процессия вошла в тускло освещенный зал, и жрец сразу же увидел темный зияющий провал в стене, откуда тянулись явно ощущаемые флюиды ненависти.

— Вот оно, — неслышно прошептал жрец, впитывая в себя мрачную ауру. — Вот то, что я искал всю свою жизнь! Теперь конец страху конец насмешкам, конец раболепию!

— Факел, — приказал он, резко протягивая руку. Один из рабов бросился вперед, спеша выполнить указание жреца.

Тот-ан-Хатеп подошел к провалу и, немного постояв, шагнул внутрь.

Тайная комната, открывшаяся взору колдуна, оказалась пуста. Лишь у дальней стены лежала грубо вытесанная каменная плита. Шагая по усыпанному скелетами полу, Тот-ан-Хатеп приблизился к ней и увидел оправленный в камень ларец. Ловким жестом он спрятал его в широком рукаве балахона и, немного постояв, дал разрешение войти служкам, которые находились в Обители Спящих в качестве переплетчиков и переписчиков.

«Даже у самых младших жрецов жизнь лучше, чем у них», — подумал Тот-ан-Хатеп, глядя на снующих туда-сюда помощников. Вслух же он сказал:

— Изучите здесь все и сделайте подробную опись. Хм, разве стоило беспокоить меня из-за такой ерунды?!

Пожалуй, последняя фраза прозвучала чересчур натянуто и неправдоподобно, но Тот-ан-Хатеп не обратил на это никакого внимания. Он слишком спешил вернуться к себе в библиотеку, чтобы рассмотреть находку. Впрочем, его торопливость отметил один из служек,

который очень хорошо знал страсть своего хозяина к древним книгам и захоронениям. Слишком уж часто Тот-ан-Хатеп проводил бессонные ночи за изучением какого-нибудь осколка древней плиты или кувшина. А здесь целая комната, да еще и с алтарем! Нет, тут что-то не так...

Солнце опускалось за горизонт, и очень скоро ласковая вечерняя прохлада сменится ледяным холодом ночи. Однако четырнадцатый жрец Обители Спящих не мог позволить себе отдыха — Тот-ан-Хатеп старательно исследовал найденный ларец, пытаясь вскрыть крышку. Наконец, ему удалось сделать это, чудом избежав гибели от ядовитых шипов, неожиданно выскочивших из сложного орнамента рисунка. С громким щелчком позеленевшая от времени крышка отскочила, а на сухую ладонь Тот-ан-Хатеп выпали резная змейка и свернутый трубочкой пергамент, очевидно выполненный из человеческой кожи.

Остаток ночи жрец провел за расшифровкой манускрипта, а к утру Тот-ан-Хатеп было не узнать: черные глаза фанатично горели, и прежде худые щеки ввалились еще сильнее, а нос заострился будто у мертвеца.

Даже в самых смелых мечтах Тот-ан-Хатеп не мог помыслить о том, какое могущество может оказаться в его руках! Теперь для осуществления своих планов жрецу осталось сделать только одно — добиться перевода в другой храм.

«Думаю, что у меня все получится, — подумал жрец. — Ведь даже среди стигийцев отыщется слишком мало желающих изучать Птейон-проклятый!»

* * *

Массивный гигант, восседавший на жестком каменном троне, прочел тусклый пергамент, а затем отбросил его в сторону за ненадобностью. Легкий белый хитон лишь подчеркивал мощь его загорелого торса, а бритая голова и отсутствие украшений говорили о принадлежности к жреческой касте. Огромный и богато украшенный зал указывал на исключительно высокое положение его хозяина.

Тот Амон еще раз мысленно повторил прочитанное и пришел к определенным выводам: наступила пора действовать. Он уже более полугода следил за одним из младших жрецов по имени Тот-ан-Хатеп, который, в свое время, украл писание змеелюдей Валузии и теперь проводил собственные изыскания.

Конечно, можно было просто арестовать его, отобрав при этом манускрипт, однако Тот Амон не спешил. Долгие годы, что он возглавлял могущественный магический конклав Черного Круга, научили великого колдуна терпению. Пускай жрец сделает все своими руками, а он, Тот Амон, пожнет готовые плоды. К тому же, глава Черного Круга был уверен, что младший жрец участвует в заговоре, нацеленном против владыки конклава — слишком многие желали бы видеть Тот Амона свергнутым.

Однако Тот Амон оставался фактическим повелителем Стигии лишь потому, что всегда умел предвидеть опасность...

«Пускай жрец выведет меня на остальных заговорщиков, а уж тогда я уничтожу их всех одним ударом», — подумал он.

Правда, до сих пор Тот-ан-Хатеп не связывался ни с одним из высших владык Черного Круга, но Тот Амон не верил в заговорщика-одиночку. «Лучше всегда быть готовым к худшему» — так звучал девиз Тот Амона, и он всегда действовал в соответствии с ним.

Последнее сообщение от доверенного осведомителя вызывало у Тот Амона беспокойство —

предполагаемые мятежники для чего-то наняли воров в Заморе, при этом используя связи все того же Тот-ан-Хатепа... Что это может обозначать?

Колдун протянул руку и позвонил в золотой колокольчик, выполненный в виде змейки, кусающей свой же хвост. Это изваяние было особенно любимо Тот Амоном — на среднем пальце его правой руки красовалось подобное же кольцо, которое и послужило в свое время источником его могущества.

В зал вбежал начальник стражи и пал ниц перед владыкой. Терпеливо дождавшись разрешения говорить, он произнес:

— О, повелитель. Те наемники, о которых вы говорили, доставлены во дворец и ждут ваших повелений.

Колдун, наконец, кивнул, давая тем самым разрешение подняться. Стражник бросился исполнять приказ.

* * *

Тишина и приятная прохлада царили в древнем святилище Спящего бога в Йезуде. Над тайным городом простерлось бездонное звездное небо.

Яга оторвал взгляд от обнаженного юнца, только-только принятого в послушники (но уже успевшего продвинуться по иерархической лестнице, благодаря тому, что он понравился Верховному жрецу), и, потянувшись, поднялся с ложа.

«Это невыносимо, — подумал Яга. — Проклятый юнец меня слишком изматывает...»

Ему абсолютно не хотелось ничем заниматься, однако дел накопилось слишком много и одно из них довольно сильно беспокоило жреца — он получил от служителей Затха из Арэнджуна весть о том, что некий стигийский жрец нанял там семерых самых ловких воров и отбыл вместе с ними в неизвестном направлении.

«Давайте поразмыслим, — сказал сам себе Яга. — Этот жрец, понятное дело, является слугой Тот Амона. Но для чего ему понадобились воры, когда повелителю служит огромная армия? Что за игру он затеял? Собирается отыскать в заброшенных гробницах Птейона некий древний артефакт, созданный кхарийцами или магами Валузии? Ограбить сокровищницу одного из колдунов-конкурентов? Так или иначе, Тот Амон начал охоту за некоей весьма ценной вещью — иначе зачем нанимать аренджунских воров? Следовательно, подобная вещь может понадобиться и мне, верховному жрецу Затха! Но действовать надо разумно и осторожно, иначе Тот Амон узнает, кто встал у него на пути... Сохрани меня Великий Паук от этого!»

С магами столь высокого посвящения Яга был вынужден считаться. За плечами Тот Амона был долгий опыт, бесчисленные знания и вся мощь Черного братства. А что еще хуже — Тот Амону покровительствовал сам Сет Змееног, который, в отличие от Затха, не спал вечным сном.

— Пожалуй, воспользуюсь-ка я услугами наемников, — решил Яга. — Они все равно не заморийцы. Во всяком случае, большая часть из них.

Жрец улыбнулся. Уже далеко не в первый раз Яге приходилось обращаться за помощью к этим людям. Трон Верховного жреца — вещь шаткая, а желающих воссесть на него очень много. Вот и приходится время от времени избавляться от излишне назойливых и настырных соперников с помощью верных наемничьих мечей...

Высокий загорелый атлет с огненно-рыжими волосами, заплетенными в сотню косичек, резко вскочил на ноги, оттолкнув при этом двух обнаженных девушек, и бесшумно скользнул к двери, выхватывая пару кинжалов.

В дверь аккуратно постучали, и Хадаг несколько расслабился, услышав условный сигнал. Ножи, однако, не отложил — при его образе жизни это было бы равносильно самоубийству. Командир отряда наемников всегда помнил о возможности предательства.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился Фивор — вооруженный до зубов кофиец огромного роста. Пожалуй, это был единственный человек, кому Хадаг мог довериться — Фивор был слишком туп, чтобы попытаться стать командиром, и слишком предан Хадагу, чтобы поддержать другого претендента на это место. От последних Хадаг избавлялся одним способом — нож в глотку, и дело с концом.

— Капитан, — зычно рявкнул кофиец, попутно обведя взглядом голых девиц. — Можно войти?

— Ну, что тебе надо? — спросил Хадаг, вертя в ладонях рукояти кинжалов.

— Капитан, мы получили послание от жреца!

— Значит, и великие маги нуждаются в помощи простых смертных? — весело хмыкнул Хадаг.

Толстяк-кофиец захохотал над его шуткой, даже не поняв ее. Фивор отличался бычьей силой и недалеким умом, а потому его все боялись. Однако только Хадаг относился к нему уважительно и не считал глупцом — во всяком случае, никогда не говорил так. Потому кофиец и старался во всем подражать капитану. И еще он слишком хорошо помнил зубастые пасти священных храмовых крокодилов, которым стигийцы хотели его скормить из-за каких-то двадцати трупов, оставленные Фивором в одной из таверн после очередной попойки. Только благодаря вовремя вмешавшемуся Хадагу он остался жив.

— Ну, что ж, — спокойно сказал рыжий атлет. — Похоже, придется поработать, тем более что платят жрецы очень неплохо...

Фивор был полностью согласен с этими словами — с тех пор, как он оказался в банде Хадага и стал его помощником, кофиец ни в чем не знал недостатка, будь то еда, вино или женщины. Однако связываться с колдовством кофиец не любил, о чем честно сообщил командиру.

Хадаг ответил:

— Жрецы, колдуны, цари — они все похожи на змей... Только и ждут, как бы ужалить тебя. Но мы будем осторожны. Очень осторожны. Ведь маги, как и мы не любят оставлять следов и свидетелей. Так что в любом случае будь готов сорваться с места. После этого дела мы отправимся в какое-нибудь веселое местечко, где можно прокутить деньги. А золото у нас будет, можешь мне поверить!

Глава первая

Удушливый едкий дым от факелов резал глаза, которые и без того болели от постоянного напряжения. Мрак и тишина, не нарушаемые тысячелетиями, скверно действовали на пятерых испуганных людей. Несмотря на холод подземелья, который исходил вовсе не от стен и перекрытий, а от той Тьмы, что обитала здесь, все они взмокли от ледяного пота текущего по обнаженным телам. Только страх и желание выбраться отсюда были единственными чувствами, что двигали этими некогда кичливыми и удачливыми ворами, ныне превратившимися в жалкую горстку усталых людей, более не уверенных в своих собственных силах...

Как все казалось просто в самом начале этой истории! Надо было всего лишь войти в заброшенный храм и отыскать вещицу, потребовавшуюся жалкому и постоянно трясущемуся жрецу с непроизносимым стигийским именем! Старл, опытный аренджунский вор, взялся бы за это плевое дельце и один, но стигиец настоял на том, чтобы Старл набрал еще людей.

Пришлось согласиться. Заказчик всегда прав, а кроме того, жрец уплатил за труды весьма неплохие деньги — полновесные стигийские золотые. В Хайбории никто не любил надменных стигийцев, но вот их золоту были рады, особенно в Заморе. И вот теперь незадачливые грабители расплачиваются за свою жадность...

Уговорив приняться за это дело еще шестерых воров из своей банды, Старл повел их туда, куда добровольно не совался ни один здравомыслящий человек.

Птейон Проклятый...

Тогда это название не казалось пугающим или ужасающим, а все рассказы, связанные с этим местом, были для банды Старла лишь сказкой, выдуманной для трусливых и слабых людишек. Однако сейчас они сами стали таковыми — не боящиеся ни демонов, ни богов заморийцы в одночасье поверили в первых и стали молиться вторым. Однако в этом мрачном месте правил другой бог: темный и ужасный змееголовый Сет. Молить его о помощи не было смысла, ибо лишь муки и страдания принимал он в качестве молитв, а кровь — вместо жертвенного фимиама.

Подумав о Змееногом божестве, Старл поежился.

— Нет, — решил он. — О нем не стоит вспоминать здесь.

Отвлечшись на миг, он пропустил момент очередной атаки. Ужасная тварь с выпученными глазами и огромным телом, похожая на огромную летучую мышь, вынырнула из бокового прохода, и тут же скрылась в другом, но вместе с ней исчез Геном, еще один товарищ Старла. Из коридора раздался ужасный хохот, похожий одновременно на уханье совы и плач ребенка, а чуть погодя донесся душераздирающий крик. Воры с трудом узнали голос своего товарища. Это была уже третья смерть, с того момента, как они проникли в эту проклятую пирамиду.

Из коридора, куда летучий монстр утащил Генома, послышался шорох. Четверо оставшихся в живых людей насторожились, ожидая нового нападения. Их пальцы побелели, до боли стискивая рукояти коротких мечей и ножей. Но вот из темноты вынырнул пропавший человек, и неудачливые грабители вздохнули с облегчением — значит, летающих тварей можно убить. Старл почти окончательно успокоился, как вдруг заметил в Геноме некую странность. Он собрался было предостеречь остальных, как вдруг Геном с диким воем бросился на горстку воров...

«У него красные глаза», — понял Старл, но больше ничего сообразить он не успел. Тренированное тело среагировало само, и он, никогда не жалеющий времени на фехтование, успел отразить бешеную атаку демона, в которого превратился человек. Пригнувшись и

проскользнув под сверкающей дугой быстро вращаемого оружия, Старл ударил оборотня горящим факелом, попав при этом ему в лицо. Демон на миг отпрянул, и эта оплошность стоила ему жизни — Старл вонзил свой широкий клинок в его живот, с силой провернув лезвие. Остальные воры тут же присоединились к своему предводителю, нанося удары кинжалами.

От мертвого тела отделилось облако густого маслянистого тумана и медленно поднялось к потолку склепа. Старл оглянулся и увидел, что еще один его товарищ навсегда остался здесь, разорванный демоном от шеи до паха.

Риэго, родом происходивший из Зингары, боязливо глянул на Старла и сказал:

— Я поворачиваю назад. И если вы не последние идиоты, то поступите точно так же.

— Мы почти дошли, — ответил ему смуглый вендиец. — А теперь ты, Риэго, предлагаешь бросить все и бежать, уподобляясь последним трусам? Это когда до бессметных сокровищ осталось всего несколько шагов!

— Да, бежать. Лучше быть живым трусом, нежели мертвым храбрецом. Трупам — сокровища ни к чему. А что до золота, то я лучше растрясу кошелек какого-нибудь жирного купца или загляну в дом богатой вдовушки.

Зингарец плотоядно облизнулся. Все в Арэнджуне знали его страсть к женщинам.

— Нам и вправду лучше держаться вместе, — поддержал вендийца Старл. — Одиночка окажется более легкой добычей для местных демонов.

Риэго сплюнул под ноги.

— Один или трое, какая разница? Когда нас было семеро, мы тоже считали себя неуязвимыми. И что теперь?

Ответить на это было нечего. Старл смолчал. Разумом он понимал, что Риэго прав, но близость невообразимых богатств притупила чувство опасности. А потому замориец покачал головой и, развернувшись, пошел дальше.

* * *

— О Великий Бел, помоги мне выбраться отсюда, и тогда я принесу тебе такую жертву, о которой все воры Заморы будут судачить целую луну!

Риэго клял себя последними словами, за то, что не решился бежать отсюда сразу. Только что гигантский паук, неведь откуда взявшийся, оторвал голову одному из его спутников...

— Ну, ничего, — пообещал себе замориец. — Впредь умнее буду. Лишь бы Бел послал мне чуточку удачи!

Но видимо в тот момент Бел был занят чем-то другим, может, он просто не решился вторгаться во владения Отца Вечной Ночи. Бросить вызов Сету мог далеко не каждый бог хайборийского пантеона. Впервые в жизни удача оставила Риэго по прозвищу Длинная Рука.

Тихий, едва различимый шелест заставил заморийца резко обернуться и застыть от изумления с открытым ртом. К нему приближались три прекраснейших женщины, да таких, что он чуть не задохнулся от восхищения. Высокие красавицы, с полными, кольщущимися в такт их движениям грудями и длинными, стройными ногами, обтянутыми прозрачной тканью на бедрах, подплыли к нему будто по воздуху. Не успев сообразить, что же происходит, зингарец подпустил их слишком близко. В следующую секунду Риэго почувствовал, как нежные руки, легкими, едва ощутимыми прикосновениями освобождают его от одежды, а он теряет контроль над своим телом, ощущая лишь невероятное, почти невысказанное для простого человека желание.

Зингарец и сам не понял, как все произошло, но вот он уже лежит на полу, а одна из чудных нимф сидит на нем и быстрыми, яростными движениями доводит себя до полного неистовства. Две другие в это время продолжали ласкать зингарца руками и губами. Непередаваемое, божественное наслаждение сменилось дикой, чудовищной болью.

Риэго поднял голову и с ужасом увидел свои собственные внутренности, вываливающиеся из распоротого живота. Рот зингарца широко раскрылся, готовый издать последний вопль, но этого не произошло, — одна из красноглазых фурий впилась своими острыми зубами в язык Риэго и тут мгновенно откусила его. Боль захлестнула вора с новой силой, а кровавая пелена застила глаза. Однако сознание, удерживаемое каким-то жутким колдовством, никак не хотело покидать истерзанное тело.

...Медленно двигаясь вперед и ожидая в любой момент нападения тварей, Старл и вендиец вскоре добрались до нужного зала. Факел больше чадил, нежели горел, но это был последний источник света. Старл оторвал кусок ткани от своей рубахи и обернул его вокруг смолистой палки. Судя по эху шагов, разносившемуся вокруг, помещение было огромным. Ну, откуда этими жалким воришкам было знать, что они вторглись, в святая святых змеелюдей Валузии? Это был Тронный Зал Птейона — прекрасного храма, построенного в древнейшие времена и посвященного Отцу Ночи, Сету.

Воры достигли первой центральной колонны, сперва приняв ее за противоположную стену. Сделав более сотни шагов в сторону, они смогли, наконец, ее обойти.

— Проклятый колдун не говорил, что колонны здесь такие здоровенные, — выругался вендиец.

Старл был с ним полностью согласен, но предпочитал помалкивать. Страх, преследовавший их с самого начала, отступил, уступая место извечной человеческой алчности.

— Кажется, мы на месте, — снова раскрыл рот товарищ Старла. Тот хотел было осадить говоруна, но вновь сдержался, подумав при этом, что неплохо будет перерезать глотку не в меру болтливому вендийцу на выходе.

С трудом разбираясь в вырезанном на колонне орнаменте, они, наконец, нашли то, что искали.

— Вот она, — заорал вендиец, указывая пальцем на резное изображение змеи.

«И без тебя вижу, тупая скотина, — с раздражением подумал Старл, начиная злиться на несдержанного собрата по ремеслу. — Нет, гаденьщ, ты отсюда не выберешься, я теперь тебе точно кишки выпущу...»

Вендиец, выхватив из рук Старла блестящий жезл с изображением кобры, в точности похожей на ту, что была на колонне, поднес его к камню. Внезапно змейка ожила в его руке и, извиваясь, стала погружаться в камень. Оба вора в удивлении раскрыли рты.

— Вот-те на, — тихо буркнул Старл. — Носить такую дрянь в своем кошельке? Пусть Сет сожрет этого проклятущего жреца!

Неожиданно на колонне появилась ранее прикрытая каменными створками ниша, в которой находился длинный, узкий ларец, светившийся багровым огнем. Вендиец схватил его обеими руками и тут же уронил, издав при этом душераздирающий крик. Обе его ладони на глазах обуглились и, почернев, отвалились, рассыпавшись по полу угольками. Не переставая кричать, он принялся метаться по залу.

«Ну, что, доорался? — злорадно подумал замориец. — Теперь не придется пачкать о тебя сталь».

Старл, не теряя времени, выхватил ткань, данную ему магом, и, быстро обернув добычу, бросился к выходу, используя светящийся ларец в качестве факела. В спину Старла неслись крики вендийца, постепенно превратившиеся в один непрекращающийся визг...

Мир содрогнулся.

Привычная серая пелена, стоящая перед глазами, изменилась. Древний яростный огонь стал удаляться, и чем дальше уносились его язычки, тем больше воспоминаний возвращалось к нему.

Он — Идраг, что обозначает «избранный». Избранный великим повелителем Сар-Заргсом, который, в свою очередь, был избран Великим Сетом. Во имя великого бога Тьмы, он — Идраг, вместе с дюжиной лучших воинов-змееногих отказался от посмертия. Умерщвленные особым образом, они были оставлены в храме для охраны карты-ключа.

Вековой полусон был нарушен, и долг тяжелой ношей лег на плечи тринадцати воителей. Единственное предназначение, существующее для них, должно было быть выполнено!

Идраг выпрямился, и одновременно с ним то же самое сделали его воины. Он был их мозгом, их сердцем, их движущей силой. Идраг чувствовал каждого из них так, как если бы это были его собственные лапы или хвост. Его могучая воля, единственное, что осталось от души некогда легендарного полководца, направила воинов вперед, вслед за яркой удаляющейся точкой, которая стала теперь смыслом их существования. Воины покинули свои ниши в колоннах и оглядели серый зал. Теперь для них не существовало тьмы. Только серая мгла и яркий свет ключа-скипетра. По залу металось некое существо, в котором Идраг узнал одного из бесхвостых рабов-людей.

— Низшие в тронном зале, — с негодованием провозгласил избранный.

Длинный волнистый меч мгновенно покинул ножны, и тварь лишилась руки по локоть. Клинок при этом издал неприятный дребезжащий звук, который повторился еще двенадцать раз, прежде чем змеелюди покинули зал. А в это время с разных концов помещения к корчащемуся на полу существу с отсеченными конечностями и вспоротым животом начали слетаться жуткие тени.

Воители Сета быстро миновали коридоры пирамиды и оказались у выхода, где они и увидели божественный светоч ключа-карты. Как оказалось, его уносил один из бесхвостых воров. Идраг взревел от негодования — оказывается, он был еще способен на некоторые чувства!

В этот момент Старл обернулся и в ужасе закричал, увидев своих преследователей.

Идраг пустился вдогонку за вором. Меч описал новую дугу, но сейчас Избранный был не столь удачлив, как в тронном зале, а вор прыгнул в некую странную повозку без колес, которая начала быстро удаляться прочь!

И вдруг Идраг содрогнулся от боли.

Отпрянув, он тут же вспомнил предупреждение Сар-Загса о том, что никто из оживленных скипетром не может пересечь проточной воды. Повозка, которая на деле оказалась не чем иным, как лодкой, уходила за запад по широкому спокойному потоку, и воинам Сета осталось только следовать за ней по берегу Нилуса — так эта река именовалась называлась во времена расцвета Валузии.

Едва лодка ткнулась форштевнем в берег, как Тот-ан-Хатеп бегом рванулся к ней. Как жрец Сета, он не боялся кишацих в воде змей, а потому безбоязненно вошел в Стикс по колено. Куда больше он опасался людей, нанятых им в Заморе. Но в лодке лежал лишь один из семерых нанятых им.

— Пить, — едва слышно прохрипел он.

— Что? — опешил Тот-ан-Хатеп.

Только сейчас он увидел, что у заморийца вспорот живот, и его вывалившиеся внутренности лежат на дне лодки.

Гнусная улыбка появилась на лице жреца.

— Тебе, наверное, больно? — издевательски спросил он, вырывая из ослабевших рук Старла ларец. — Конечно, больно, но ничего, потерпи немного, скоро все закончится... Может к утру, а может и позже. От ран в животе, знаешь ли, умирают долго. Очень долго, и очень мучительно.

— Ублюдок, — едва слышно просипел вор. Из угла его рта потекла струйка темной крови.

Разъярившись, Тот-ан-Хатеп выхватил узкий стилет и ударил узким лезвием в глаз заморийца. Тело вора свела судорога, он изогнулся дугой и наконец затих.

— Теперь увидел, кто здесь ублюдок? — выдохнул жрец, отскакивая назад. Его била дрожь, и Тот-ан-Хатеп с трудом смог спрятать кинжал в ножны.

Раньше жрец никогда не убивал людей, и при ближайшем рассмотрении колдун понял, что ему, пожалуй, понравилось то ощущение силы, которое он испытал в момент убийства. Равно как и чувство неизбежности, что промелькнуло в глазах мерзавца, посмевшего оскорбить жреца Сета!

— Пожалуй, это следует повторить, — решил для себя Тот-ан-Хатеп, тут же уточнив: — Но только аккуратно, без риска для себя. И не так быстро.

И в этот момент жрец увидел появившуюся на реке галеру, над которой было поднят парус, украшенный гербом Тот Амона.

— Только его здесь не хватало... — выдохнул перепуганный жрец. — Откуда Тот Амон узнал про скипетр?

Ужас добавил Тот-ан-Хатепу новых сил, и он стремглав бросился бежать, скрывшись в кустах прежде, чем его успели заметить.

* * *

Восходящее солнце окрасило воды Стикса в грязно-бурый цвет. Раздвигая тростниковые заросли, на береговую отмель вышли двое мужчин. Вспугивая редких пичуг и заставив взволноваться нежащихся под прохладным утренним солнцем крокодилов, они направились к небольшой лодке.

— Должно быть, ее прибило ночью, — произнес тот из двоих, что был повыше ростом. Впрочем, он был даже не высокого, а почти гигантского роста, с широченными плечами. Тяжеленный двуручный палаш, висящий в ножнах за спиной, говорил о немалой физической силе мужчины. Грубые черты лица, сланцево-серые волосы, светлая борода, а также варварского вида одежда указывали на северное происхождение гиганта.

Его громкий, раскатистый голос пронесся над отмелью, и лежащий поблизости аллигатор недовольно раскрыл глаза. Впрочем, великану не было дела до разбуженной от дремы рептилии,

и он продолжил.

— Надо посмотреть, нет ли там чего-нибудь, чем можно поживиться? И потом, мне до смерти надоело лазить по стигийским болотам!

— Вот уж не думал, что ты способен жаловаться Хаарл, — отозвался его спутник. — Мне казалось, ты спокойно можешь пешком дойти до своей... как ее?... Гипербии.

— Гипербореи, — поправил его великан. — Дойти-то — я дойду, да зачем ноги сбивать, коли можно доплыть на яле хотя бы до устья реки?

Логика воина, несмотря на его варварское происхождение, была безупречна, так что его товарищ просто кивнул. В отличие от Хаарла, облаченного в чешуйчатый кожаный доспех, его спутник носил простые штаны и безрукавку. В меру высокий и сухощавый он был по-волчьи поджар, да и повадки у него были волчьи. На правом виске была видна синяя татуировка, по которой любой образованный человек мог определить, что этот парень происходит родом из горных племен Афгулистана.

Двигался афгул легко и бесшумно, при этом успевая замечать все вокруг. А его длинный широкий кинжал отнюдь не был украшением, о чем говорили жилистые, иссеченные шрамами руки, привычные к боям и потасовкам в кабаках.

Северянин быстро направился к ялику, с легкостью перепрыгивая через длинные тела проснувшихся крокодилов.

Афгул меж тем пристально огляделся, и лишь только после этого направился к реке.

...Синее лицо мертвеца было сведено судорогой боли и ужаса. Один глаз вытек, а на вывалившихся из живота внутренностях устроило пиршество сонмище жирных зеленых мух. Бесперывное копошение насекомых создавало иллюзию, будто кишки живут собственной жизнью, постоянно двигаясь и извиваясь. Впрочем, не исключено, что в тело бедняги забралась парочка змей-могильниц, расплодившихся в здешних местах сверх всякой меры.

— Ему лодка больше не понадобится, верно, Джафар? — весело хмыкнул гипербореец и, ловко орудуя палашом, скинул тело в реку. В воду скользнуло несколько аллигаторов, не брезговавших падалью.

После этого товарищи занялись самой лодкой.

Все казавшееся им ненужным полетело вслед за трупом.

В этот момент из-за полуострова, образованного изгибом реки, вышло крупное весельное судно.

— Потроха Нергала, — гаркнул Хаарл, углядев галеру. — Стигийцы, чтоб их Сет разорвал! Как не вовремя!

От галеры отделилась лодка с двумя десятками солдат и парочкой жрецов в придачу.

— Уносим ноги, — решил Джафар, понимая, что силы неравны. Встреча с отборными воинами стигийского воинства в их планы не входила.

* * *

Черные злые глаза с ненавистью рассматривали валяющегося на полу капитана стражи.

— Я дал тебе еще один шанс, червь! А ты смеешь говорить мне теперь, что двое чужаков сбежали. Как? Куда?

Капитан молчал, в то время как Тот Амон продолжал неистовствовать.

— Какой от тебя, в таком случае, прок, бестолочь? Ты упустил Тот-ан-Хатепу, теперь этих

двоих! Зачем ты мне нужен?

Колдун сделал несколько пассов руками, и тело бывшего капитана забилося в судорогах — его мозг превратился в расплавленный свинец.

— Убрать, — приказал Тот Амон стражникам и погрузился в размышления.

Дела обстояли далеко не самым лучшим образом. Лишь совсем недавно Тот Амон понял, *за чем именно* охотился мятежный жрец. *Эта* жуткая вещь должна была оставаться на месте, в Птейоне Проклятом. Таков был завет Великого Сета, и никто не вправе нарушать его волю!

— Впрочем, — чуть слышно пробормотал колдун, — может, оно и к лучшему? Не исключено, что я сам могу завладеть секретом.

На этой фразе Тот Амон оборвал свою речь. Уж он-то знал, как опасно разговаривать вслух о своих тайнах.

Как же теперь отыскать Тот-ан-Хатепу? Вот в чем главный вопрос! Куда направится мятежник?

И тут жрец вскочил с резного трона. Теперь он знал, что делать. Ястребы — слуги Хархата помогут ему.

На зов колдуна мигом явился кормчий галеры.

— Поднять паруса. Мы отправляемся в Кеми.

...Вскоре судно начало медленно подниматься вверх по реке.

Глава вторая

Тот-ан-Хатеп скрывался в прибрежных болотах без малого две седмицы, питаясь при этом чем Сет пошлет. В ход шло все: корешки и ягоды, ящерицы и черви, но еще больше его решимость жреца поддерживал всепожирающий огонь страха.

Теперь он знал, что Владыка Черного Круга, могущественный Тот Амон, объявил розыск по всей Стигии, после чего Тот-ан-Хатеп был вынужден пробираться через непроходимые заросли, двигаясь звериными тропами и стараясь как можно быстрее миновать открытые места. Стигиец рвался прочь из Стигии, в шемский портовый город Асгалун, который он однажды видел на карте и где Тот-ан-Хатеп надеялся отыскать корабль. Он рвался туда, где Тот Амон не сможет его найти. И удача оказалась на стороне жреца — на четырнадцатый день он достиг стигийского побережья, где можно было сесть на галеру, идущую в Шем.

* * *

...Тот-ан-Хатеп даже не понял, как он выскочил на пристань, где огонь ярких фонарей обжег его глаза, привыкшие к ночной тьме.

Жрец, с разбегу наткнулся на что-то большое и твердое — скала тут что ли?

— Смотри, куда идешь! — взревел чей-то голос. — Ослеп совсем?!

Стигиец почувствовал, как его с силой отрывают от земли и поднимают в воздух. А ведь он был довольно высок по меркам стигийцев.

— А-а-а, — жалобно заверещал Тот-ан-Хатеп, скорее от страха и растерянности, нежели от боли.

— Чего скулишь, жабье отродье? Тебя пока никто и пальцем не тронул!

Как выяснилось, жрец с разбегу налетел на речного матроса, которого он и принял за скалу. Вот только откуда у простого моряка такие пронзительные, ледяные глаза? И этот властный взгляд.

В этот момент хламида колдуна не выдержала и, затрещав, порвалась, после чего он полетел вниз, при этом больно стукнувшись о доски пирса.

— Кром-громовержец, вот ведь неудача... Последнюю одежонку тебе порвал. Ну, чего ты ноешь? Эх, ну и людишки ныне пошли, плевки зловонные, иначе не скажешь. Мне в жизни и не так доставалось, и ничего, жив пока. А он уже ревет, будто девица...

Уставший и измученный страхом жрец всхлипнул.

— Ладно, вот держи. — Перед Тот-ан-Хатепом упала золотая монета, но вид могучего гиганта, в потертой кожаной безрукавке, таких же штанах и алом платке, повязанном поверх гривы буйных, смоляных волос, по-прежнему вызвал у жреца страх. Сейчас его схватят, передадут в руки властей... И тогда — конец мечтаниям, конец всему.

— Ба, да ты побелел, как мертвяк, обглоданный червями.

Неожиданно, набравшись смелости, Тот-ан-Хатеп прошептал:

— Пожалуйста, помоги мне. Иначе они меня схватят...

— Кто? — Великан обернулся в поисках возможных врагов.

— Стигийцы. Тот Амон... — и Тот-ан-Хатеп рассказал сочиненную на скорую руку байку о

том, что его еще в юности отдали в храм Сета. А он взял, да и сбежал.

Моряк на удивление быстро понял, что к чему, и весело усмехнувшись, согласился:

— Ладно, почему бы и не помочь убогому? Идем.

Быстро забрав назад свой золотой, он поднял Тот-ан-Хатеп на ноги и, обхватив его могучей ручищей, повел к виднеющемуся невдалеке зданию. Вышедшие из-за угла стражники с сомнением оглядели странную пару, но моряк неожиданно заорал что-то нечленораздельное, и воины пошли дальше, решив не связываться с перепившимися матросами. Лишь через несколько мгновений Тот-ан-Хатеп сообразил, что этот рев должен был обозначать пение.

Гигант меж тем довел стигийца до неприметной двери и, распахнув ее ударом ноги, ввалился внутрь. Не задерживаясь в общем зале, он дотащил ошалевшего жреца до комнатки на втором этаже маленькой таверны.

— Ну, а теперь рассказывай, во что же ты меня втянул? С чего бы это самому Тот Амону заинтересоваться простым жрецом?

Моряк протянул стигийцу вместительный кувшин с вином и жестом разрешил угоститься. Более привычный к воде, нежели к вину, тот быстро захмелел.

Упав на грубо сколоченную кровать, жрец прислонился к спинке и начал плести совершенно невразумительную историю, намешав туда множество слышанных ранее баек о драгоценностях древних храмов. Собственно говоря, он и сам всего не запомнил, но моряка, похоже, заинтересовал рассказ стигийца.

— Значит, несметные сокровища валузийцев? Тот-ан-Хатеп кивнул, не понимая, о чем это завел речь незнакомец. Да и вообще, кто он такой?

Стигиец закрыл глаза и громко захрапел, начав съезжать на пол.

— Кром Великий, что за морока с тобой!.. — воскликнул моряк, поймав жреца за плечо. — Ну, да ладно, дрыхни... Что-нибудь придумаем.

В этот момент из рукава разодранного балахона стигийца выскользнул ларец, и Конан, подняв его, с интересом стал рассматривать старинную вещицу.

— Хм, а сундучок достаточно древний. Может, там и впрямь хранится что-нибудь ценное?

Любой другой с легкостью придушил бы жреца во сне, но только не киммериец. В нем, простом варваре, еще были живы древние понятия о чести, «цивилизованными» людьми давно позабытые.

— Так тому и быть, — решил киммериец. — Возьму тебя с собой, а там видно будет. Хотя видит Кром, с тобой, пожалуй, мороки не оберешься.

Конан пристально посмотрел на исхудавшего человека и покачал головой. Ему претило бросать людей в беде, особенно, когда они просили о помощи. Немного подумав, он сунул завернутый в тряпицу ларец за пояс и вышел из комнаты.

* * *

В самом темном углу комнатки зашевелился крупный волосатый паук, размером с человеческую ладонь. Спустившись по своей липкой паутине вниз, он стал с интересом изучать жреца. Паук слышал весь разговор, произошедший между жрецом и капитаном корабля, но не мог передать его содержание Верховному Жрецу Йезуда. А тот, наблюдая эту сцену глазами одного из детей Затха, посчитал, что это и есть тот самый слуга Тот Амона, а также некий наемник, призванный охранять ларец.

— Ну, вот вы и попались, змейки, — весело потер руками Яга. — Наверняка, ты ждешь здесь своего хозяина. Ну-ну... Придется тебе подождать его на Серых Равнинах!

Огромный паук вцепился стигийцу в горло отравленными жвалами. Тот-ан-Хатеп дернулся во сне, но успел-таки раздавить волосатое, многоногое тело твари.

Тот-ан-Хатеп умер, так и не отведав вкуса власти.

* * *

Яга же, довольно улыбнувшись, подошел к прохладному бассейну. Его нисколько не взволновало то, что после гибели паука будут невозможно наблюдать за происходящим в таверне. К утру в городке окажутся его наемники, неустанно идущие по следу. И вот тогда начнется самое интересное...

* * *

— Эй, кабатчик, тащи сюда свою жирную задницу! Да не просто так, а с вином и мясом. А не то, клянусь Нергалом, твою печень вырежу, да насажу на вертел! — гаркнул Конан, усаживаясь за свободный столик у стены, поставленный так, чтобы можно было видеть входную дверь. А свободен он был потому, что киммериец занял его несколько дней назад, выбив при этом несколько зубов, да свернув парочку носов особо ретивых наглецов. Это лишний раз доказывало — пока капитан «Тигрицы» находится в городе, садиться на его место не следует, поскольку жизнь-то одна. Стоит ли рисковать ею из-за такого пустяка, как место в таверне?

«Жизнь странна и непредсказуема, — подумал киммериец. Его мысли снова вернулись к тому дню, когда он погнался за проклятым стигийским баркасом, груженным слоновой костью и редкими перьями, привезенными из Черных Королевств. Сведения, добытые в одном из портовых кабаков, оказались ложными — это была ловушка, придуманная властями Стигии, для того, чтобы отлавливать пиратов, осмеливающихся заплывать в устье Стикса. Но на этот раз в их сети попал (попал? Да ничего подобного!) Конан из Киммерии, прозванный в недалеком прошлом Амрой Львом.

Валузийское золото, добытое варваром в Херриде давно потрачено, а это значит, что Лев снова выйдет на охоту! Одна беда: в Херриде Конану не дали каперский патент. Слишком сильны еще были воспоминания зингарских чиновников о Ночном Губителе... Проклиная мерзких бумагомарак, Конан отправился на Барахас, но братство встретило его не столь радушно, как он ожидал — они просто напали на «Тигрицу». Потопив несколько пиратских лоханок, варвар отправился в Асгалун, желая побыть некоторое время вольным корсаром, дожидаясь более удачных времен. Тогда можно будет вернуться в Зингару, за патентом. И пускай только попробуют отказать!

— Э-эх, — покачал головой киммериец. — Надо было начинать с Кордавы, а не с захолустного городишки, где ничего не смыслят в настоящих воинах. Вот старый Фердруго — другое дело. Он готов простить любые преступления, лишь бы корсары добывали золото для его казны! И Конан поможет ему в этом, со своей «Тигрицей»!

— «Тигрица»... — Киммериец попробовал на язык имя галеры. Это был уже третий корабль с подобным именем, ходивший под командованием Конана. Первый, на мачте которого была повешена прекрасная Белит, давно гнил где-то на побережье Куша. Вторая «Тигрица» пошла на дно возле острова сновидицы Дайомы, хитрой колдуньи, попытавшейся навечно заманить киммерийца в свои любовные сети. Нынешняя же красавица стояла на приколе у пирса.

...Судно купца, служившее приманкой, заманило их в ловушку, где ничего не ожидающих пиратов поджидало три галеры. Более маневренная «Тигрица» смогла уйти, потопив одну из посудин неприятеля, но и сама получила пробоины, потеряв к тому же часть команды.

И вот он, Амра-ужасный, некогда наводивший страх на всю Стигию, а также Шем и Куш в придачу, вынужден со своей «Тигрицей» таиться в одном из прибрежных городков Стикса.

А где-то там его ждет Кордава, со всеми ее прелестями и каперским патентом в придачу.

Понятно, что Конан и сейчас мог направиться в столицу Зингары за монаршим разрешением стать корсаром, но сделать это не позволяла Конану гордость. И вот тут-то на него свалился этот полоумный жрец со своим ларчиком.

«Может быть, удача улыбнулась мне?» — подумал киммериец, выплескивая в бездонную глотку полкувшина вина.

Дверь таверны распахнулась, и, не задерживаясь на пороге, к столу капитана подошел невысокий жилистый человек неопределенного возраста, с лицом отъявленного головореза. Кривой нос, свернутый набок в одной из многочисленных драк, неоднократно порванные и рассеченные щеки. На обнаженном торсе — замысловатый рисунок барахских татуировок — от акул и русалок с рыбьими хвостами, до чудовищного кракена, со множеством щупалец. Посреди груди было выколото штурвальное колесо, обозначающее путь, с которого моряк не должен сбиться.

Риальдо (так звали барахца), лишился корабля из-за бунта команды и едва не был выброшен за борт бывшими соратниками, но тут появился Конан со своей «Тигрицей». Галера Риальдо, конечно же, была потоплена, а сам он стал кормчим на «Тигрице». Как ни странно, киммериец мог полностью доверять прожженному пирату и убийце, поскольку тот был человеком слова и признал свой долг по отношению к варвару.

Устало плюхнувшись на длинную лавку, Риальдо протянул руку к кувшину и, глотнув из него, сплюнул на пол.

— Тьфу! Как ты можешь пить эту гадость, Конан?

Угодливый кабатчик, уже зная вкусы всех моряков галеры, прислал к столику служанку с пивом для кормчего и новым кувшином вина — для Конана.

— Ты только глянь, — снова сплюнул Риальдо. — Вот ведь услужливая скотина.

И он зло посмотрел на трактирщика. Конан, прекрасно зная, что кормчий не станет злословить понапрасну, спросил:

— Ну, чем ты теперь не доволен?

— Не чем, а кем. Людьми. У нас не хватает дюжины матросов, а в этом занюханном городишке нет ни одного стоящего человека.

Варвар внимательно посмотрел на заросшее щетиной лицо пирата и спросил:

— И сколько времени может уйти на поиски?

— Нисколько, Конан. Я же тебе говорю — здесь нам никого не найти.

Риальдо был одним из немногих, кто позволял себе так разговаривать с киммерийцем. Он не боялся ни богов, ни демонов, ни варваров.

— Мы обошли все таверны, все здешние вертепы, где кишмя кишат всякие отбросы, но все это не то... Местный народец слишком мягкотел. На Барахас их бы и выгребные ямы чистить не взяли.

Пират знал толк в своем деле, и Конан полностью доверял ему.

— Значит, торчать тут бесполезно?

— Думаю, да. Если стигийцы все еще поджидают нас в устье Стикса, то нам понадобятся воины, а не трясущиеся жабы.

— Согласен, — кивнул северянин. — Но у нас появилось еще одно дельце.

— Какое? — Риальдо знал, что золото так и липнет к рукам киммерийца.

Недолго думая, Конан выложил помощнику историю о стигийце и его ларчике.

— Глупо помогать врагу Тот Амона, когда сам находишься на стигийской территории, — глубокомысленно заключил пират.

— А если не помочь, то уподобишься крысе, такой же, как и сам Тот Амон, — возразил варвар.

Риальдо лишь вновь пожал плечами:

— Решать тебе, но уж если мы влезем в это дельце, то хотелось бы узнать, что твой дружок говорил о сокровищах?

— Ну, так пойдем наверх и потрясем его как следует.

Парочка быстро поднялась на второй этаж.

— Эй, ты! Подъем, — рывкнул Конан, но жрец не шелохнулся. — Вставай, кому говорю... — повторил северянин, а затем перевернул стигийца на спину. Только сейчас пираты увидели его выпученные глаза и посиневшее лицо.

— Помер, гаденьш, — разочарованно сказал Риальдо. — Больше он ничего не скажет.

— Погоди, — отмахнулся киммериец, осматривая тело. Конечно, стигиец отоцал за время своего путешествия, был измучен, но не настолько, чтобы так запросто умереть!

— Вот, — воскликнул Конан, найдя маленькую ранку шее мертвеца. — Его кто-то укусил.

— Ты просто гений, — согласился Риальдо, указывая на ладонь мертвеца. Между пальцев виднелся раздавленный паук.

— Слуги Затха? — подивился киммериец. — Но они тут что делают?

Будучи в прошлом шадизарским вором, Конану доводилось сталкиваться со жрецами Затха, которые отнюдь не являлись приятными людьми. Сейчас киммериец понимал, что он вновь стал на дороге у враждующих колдунов, что было весьма опасно — эти мерзавцы ни перед чем не остановятся!

— Ладно, уходим отсюда, — решил северянин, быстро собирая свои скудные пожитки.

Стоило однако спуститься вниз, как к ним подлетел толстяк Забаб.

— Многоуважаемый капитан... — начал кабатчик, но Конан оборвал его.

— Говори короче!

— Вас тут ищут...

— Подробнее описать можешь? — Конан насторожился. Кто бы мог его искать в этом захолустье? Конечно, он много путешествовал и постоянно встречал старых друзей и подружек. Но уж больно не вовремя кто-то начал разыскивать киммерийца!

— Вот эти добрые господа.

Все, у кого были деньги, для Забаба являлись «добрыми господами». Кабатчик указал на двоих мужчин, сидящих за столом.

Конан решил выяснить, в чем же дело.

— Позвольте представиться, — начал один из незнакомцев, поднявшись при виде киммерийца и шкипера. — Александриас Аквилонец.

Это был столичный щеголь-дворянин, который сразу же не понравился Конану. В меру высокий и атлетичный, он был неплохо сложен, что и подчеркивал броской одеждой. Алые шаровары и золотистая безрукавка были кричаще безвкусны (во всяком случае, в понимании

киммерийца, привыкшего к более простой и практичной одежде).

Но вот товарищ аквилонского красавчика, безусловно, заслуживал внимания. Хорошо развитый и мускулистый воин явно был крепким орешком. Его иссеченное шрамами лицо было спокойным, а пронизательные глаза смотрели оценивающие и безмятежно. Из-за спины воина, по виду — немедийца, выглядывала потертая рукоять полуторного меча.

— Мы с Траском слышали, что вы набираете людей в команду «Тигрицы», — продолжил меж тем говорливый аквилонец.

— Верно. А сами вы откуда в этих местах?

— Сопровождали караван идущий из Турана. — На этот раз заговорил Траск. Голос у него больше походил на звук, издаваемый точильным камнем.

— Ну, и чего вы стоите? — напрямик спросил пират.

— Нам доводилось бывать в переделках, — неопределенно ответил немедиец.

Глядя на него, в это можно было поверить. Но вот аквилонец... Было нем что-то неприятное, змеиное.

Траск киммерийцу понравился. Он выглядел настоящим рубакой, который к тому же имел опрятный для наемника вид. Старая и потертая кольчуга была начищена, колечки тщательно проклепаны. Почему бы не взять его в команду?

Конан кивнул.

— Хорошо. Но мы выходим с ночным приливом, опоздавших не ждем.

— Само собой, — согласился аквилонец. — А как насчет оплаты?

Конан уже раскрыл рот, собираясь объяснить условия, как вдруг дверь распахнулась и в таверну ворвались двое воинов с обнаженным оружием. Киммериец выхватил меч и описал им широкую дугу, намереваясь снести голову первому же противнику, который осмелится напасть на варвара.

Тут он ошибся. Новоприбывшие не собирались никого атаковать. Наоборот, они от кого-то спасались.

Первый — типичный афгул, скользнул вбок, выхватывая кривой зазубренный кинжал. Другой, высоченный северянин, опрокинул близстоящий стол набок, видимо желая использовать его в качестве своеобразного щита. Появившиеся в тот же миг стигийские солдаты налетели на неожиданно появившуюся преграду и, споткнувшись, растянулись на полу, чем не преминул тут же воспользоваться афгульский горец. Резко поднырнув под руку одного из солдат, он вонзил кинжал ему в живот и несколько раз провернул лезвие.

— Джафар, в сторону, — заорал светловолосый великан, но горец не собирался выходить из боя.

Выдернув нож, афгул быстрым движением рассек горло не вовремя приподнявшему голову солдату, и тут же ударил вновь, на этот раз вонзая клинок в глазницу. Только после этого он отскочил назад, уступая место товарищу. Но тот не спешил обнажать сталь. Вместо этого, он с легкостью оторвал от пола громоздкий стол и метнул его во врагов. Последствия броска были просто ужасающи — несколько солдат рухнули замертво, другие же оказались оглушены. Почти все они были серьезно покалечены.

Но боевой дух стигийцев на этом не иссяк. Все новые и новые воины врывались в таверну, шагая по телам своих товарищей. Худой гигант выхватил из-за спины тяжелый палаш и не раздумывая пустил его в ход. Незнакомец, обладающий невероятной силой, умудрился устроить в таверне сущее побоище: в разные стороны летели отсеченные головы и конечности, вываливались на пол кишки из разрубленных животов. Пол и стены таверны стали алого цвета, но силы все равно были не равны. Двое не могут противостоять полусотне!

Раздумывать дальше Конан был не намерен.

Воин клана Канах не мог посрамить свой народ и своего бога!

Киммериец выхватил меч и, издав боевой клич, бросился на подмогу незнакомому северянину. Ему всегда претило оставаться в стороне от хорошей драки, а нападение целого отряда на двух человек он посчитал делом нехорошим и несправедливым. Конана и самого не раз преследовали и травили своры цепных псов, выполняющие приказы ублюдков-правителей, и уж тем более это касалось стигийцев, служащих колдунам Черного круга.

Кормчему и только что принятым в команду чужестранцам ничего не оставалось делать, кроме как поддержать капитана.

«Вот и отлично, — неволью подумал Конан. — Посмотрим, на что они годны!»

Действия немедийца Конана не удивили, нечто похожее он и ожидал увидеть.

Траск не стал соревноваться с врагами в быстроте и силе, а просто-напросто опрокинул еще парочку столов и занял в узком проходе глухую оборону. Пройти мимо немедийца, минуя его меч, было невозможно. Нельзя сказать, что он виртуозно владел клинком, но все же воинская выучка была видна — удачный сплав защиты и нападения. Конан мгновенно определил немедийскую школу, причем солдатскую, а не офицерскую.

«Это и к лучшему, — решил варвар. — Ведь в бой идут солдаты, а не богатенькие сынки, чьи родители купили им теплое место в армии...»

Куда больше киммерийца удивил Александриас. Аквилонец встал чуть позади Траска и время от времени выбрасывал вперед руку с боевой цепью, разя врагов без промаха.

«Да, недооценил я тебя, красавчик. А ты оказывается опасен, как сто стигийских гадюк. С тобой надо держать ухо остро...»

— Отходим! — прокричал киммериец и указал жестом на заднюю дверь таверны. Умело лавируя меж опрокинутых лавок и столов, шестеро бойцов стали отступать. Афгул и северянин, только что ворвавшиеся в таверну, слушались приказов киммерийца так, будто привыкли делать это на протяжении многих лет.

Конан с немедийцем перекрыли выход и дали время уйти остальным.

— Риальдо, готовь «Тигрицу» к отплытию! Живо! — рявкнул капитан, отсекая руки прорвавшемуся в проему солдату. Клинок Траска тут же оборвал его мучения, что киммериец тоже не преминул отметить. Он не любил тех, кто упивался чужой болью.

Наконец Конан ухватил нового товарища за плечо и увлек за собой, опрокинув по пути бочку с ламповым маслом, опрометчиво оставленную Забабом у входа. Находишь его таверна в Шадизаре, он никогда бы так не поступил, поскольку все кабатчики Заморы знали: убегающий от стражников вор способен на все, а поджог в таком деле — лучший способ замести следы. А как же иначе? Суд Заморы быстр и безжалостен. Петля на шею, и дело с концом, а коли преступления несерьезные — отрубят руки по локоть, положат их в сумку, висящую на шее, да и отпустят...

— Быстрее, — крикнул на бегу киммериец. Сам он с легкостью оторвался от преследователей, попытавшихся отрезать преступников от гавани. Однако невысокий и широкоплечий немедиец не мог двигаться с такой быстротой и начал отставать.

По счастью, стигийцы не сразу опомнились после такого боя — городская стража обленилась и давно не испытывала на своей шкуре подобной трепки. Впереди замаячила «Тигрица», уже готовая к отплытию, и Конан вместе с Траском прибавили хода. Вбежав на борт по деревянной доске, служившей трапом, Конан заорал во всю мощь своей глотки.

— Поднять якорь, рубить швартовые, все на весла! Быстрее, увальни, на ремни порежу!

Трап полетел вниз, оставляя преследователей с носом. Громко рассмеявшись, варвар сделал в сторону врага непристойный жест, на что в ответ прилетела стрела, воткнувшаяся в мачту.

— Ах, так, — взревел северянин. — А ну, сыны моря, покажем этим сухопутным червям,

кто здесь акулы! Целься, пли!

Полсотни арбалетов, лежащие возле уключин и всегда готовые к бою, выплюнули смертоносную сталь, изрядно проредив отряд стигийской армии.

— Получили, крысы?! — продолжал неистовствовать Конан. — И так будет с каждым из вас, кто встанет на пути Амры!

Услышав это страшное имя, оставшиеся в живых стигийцы бросились наутек.

— То-то же, — уже спокойнее произнес Конан. Затем он обернулся к кормчему. — Курс на закат. Попробуем проскочить устье Стикса в темноте. Барука — к штурвалу!

Риальдо кивнул и отправился отдавать нужные распоряжения. Пират, родившийся на море во время шторма и прошедший всю свою жизнь на палубе, не знал иного дома, кроме корабля, а посему он очень бережливо относился к галере и к ее экипажу, за которых, он был готов перегрызть глотку любому недругу. Именно Риальдо уговорил Конана приобрести такое огромное количество громоздких арбалетов, потратив на них значительную часть добычи, которую киммериец хотел спустить в увеселительных портовых заведениях.

Конан рвал и метал, грозил кормчему всевозможными карами, но все-таки уступил. Впрочем, теперь варвар на Риальдо не сердился — морские пираты неплохо владели абордажными саблями и ножами, но уж точно не луками, а хороший залп в упор, из полусотни тугих аргосских арбалетов доставлял противнику изрядное количество неприятностей.

К капитану подскочил Грасс, по прозвищу «Безухий». Шутка состояла в том, что зингарца отличали огромные, прямо-таки ослиные уши, в каждом из которых он носил не менее дюжины серебряных колец, отчего они казались еще больше.

— Что тебе, безухая задница? — грубо спросил варвар. Грасс не обиделся, понимая, что капитан до сих пор негодует на стигийцев.

— Капитан, как насчет новых матросов? К какому делу их приставить?

— Хочу тебе напомнить, шакалий помет, что не отчаль мы так быстро, ты бы уже лежал на палубе, захлебываясь собственной кровью. У стигийцев с нашим братом разговор быстрый. Ладно, зови новичков. Посмотрим, что это за птицы...

К удивлению северянина, Грасс привел незнакомых ему людей. Во всяком случае не тех, кого он нанял в таверне. Один из них был дюжим матросом, привычно ступающим по палубе вразвалочку на своих ногах-колоннах. Под простой, изношенной, но чистой рубахой бугрились огромные мускулы. Ростом он не уступал киммерийцу, да и шириной плеч, пожалуй, тоже. Впрочем, Конан этому не удивился — на море варвар встречал людей несколько не уступающих ему в силе, а порой и превосходящих. Вот, например, Барук — точно всем гигантам гигант! Его, как и Риальдо, в свое время Конан спас от смерти. Барук был настоящим великаном, способным удерживать штурвал в любую бурю. Боцмана покрывали, даже не узлы, а широкие полосы мышц, больше похожие на обкатанные водой морские валуны.

Так что облик новичка киммерийца не поразил, куда больше его интересовало, откуда он здесь взялся? Да еще так вовремя!

Длинный крючковатый нос и густые свисающие усы выдавали в новом члене команды гирканца. Посмотрев на его богатырское сложение, Конан понял, почему гирканец покинул степи и ушел в море. Да ни один конь, не выдержит такого всадника!

Напарник гирканца был похож на него, как две капли воды, но только намного легче и меньше ростом.

«Гибкий и опасный, как рысь», — определил для себя варвар.

— Меня зовут Базал, — рыкнул великан.

— А я, Заураб из Аграпура, — продолжил его спутник. — Мы хотели наняться на корабль, но вы так быстро отплыли, что мы и не знаем, как теперь быть. Вдруг вы теперь не нуждаетесь в

матросах?

— Хитрый, каналья, — усмехнулся варвар. — Теперь мне придется или взять вас в команду, или выкинуть за борт с перерезанной глоткой.

Однако матросов действительно не хватало, и Конан остановился на первом варианте.

— Ладно, — махнул он рукой. — Ступайте к первому помощнику. Он распределит вас по вахтам. Запомните главное: мое слово на галере — закон. С нарушителями и бунтовщиками разговор один. — Конан многозначительно провел рукой по горлу. — Еда и вода бесплатные. Ешьте, пейте — вдоволь. От общей добычи, четверть моя. Остальное — делится по-братски между членами экипажа.

Базал довольно хмыкнул:

— Мне доводилось плавать на галерах, где четверть шла экипажу, а остальное — капитану.

Конан кивнул. Он знал, что так поступают многие зингарские капитаны с патентами королевских корсаров.

— Порядки у нас строгие, но терпимые, коли не станете отлынивать от работы. Да, и еще одно... Если на горизонте нет чужого корабля, то из оружия разрешается носить только кинжал. Выйдет ссора — будете решать спор на кинжалах. Но предупреждаю сразу: бой устраивается на палубе, при всех. Убьете в спину — отправитесь на рею. Это и к вам относится, — он обернулся к подошедшим аквилонцу и немедийцу.

Теперь следовало поговорить с людьми, на которых в таверне напали стигийцы.

— Хаарл из Халогии благодарит тебя, воин, — сдержанно, но цветисто произнес худой светловолосый великан.

Он без сомнения узнал в Конане киммерийца, своего исконного врага. Да и сам Конан на миг опешил — он слишком хорошо помнил гладиаторские ямы Халогии, где из него сделали настоящего воина.

Но какой ценой!

Даже годы, проведенные в цивилизованных землях, не смыли той ненависти, что он питал к гиперборейцам. Наконец, варвар переборол себя и пожал протянутую руку.

— Не стоит благодарности, Конан из Киммерии никогда не бежал с поля боя как трус.

— Верно, в вашем краю живут гордые люди, — ответил Хаарл. — Я рад знакомству с тобой, Конан.

Точно такая же церемония повторилась и с афгулом, которого звали Джафар.

После знакомства Конан перешел к делу:

— Раз уж вы здесь, то не желаете ли оплатить проезд? Или стать членами команды?

— Ну-у... — лукаво протянул Хаарл. — А мы, дурни, посчитали, что ты пригласил нас в гости...

Конан понял, что гипербореец собирается продать свой меч и умение задорого. Напрасно многие люди полагают, что северяне тупы и не умеют торговаться. Наоборот, в полуночных землях торг считается лучшим времяпрепровождением.

— Так-то оно так, — согласился киммериец. — Но ведь не станете же вы отрицать, что я вам помог?

Крыть было нечем, и Хаарл согласно кивнул.

— Может, я даже спас кому-то жизнь? — хитро прищурившись, предположил Конан.

— Вполне возможно, — согласился Джафар.

— В таких случаях у нас на севере принято дарить спасителю подарки...

Хаарл понял, в какую ловушку они попали. Не признать свой долг — покрыть себя бесчестьем. Так что, хочешь — не хочешь, а раскошелиться придется.

Конан придирчиво осмотрел кинжал, найденный странной парочкой в лодке, и вынужден

был признать его пригодным для подарка. Ножны были украшены двумя аметистами, сходными с тем, что торчал на рукояти. За него можно было выручить неплохие деньги.

— Что ж, а теперь мне бы хотелось выяснить, отчего стая стигийских псов так рьяно преследовала вас?

Хаарл вкратце поведал историю о нападении на реке и честно признался, что не знает, отчего на них охотятся.

— Ну, ладно. Утро вечера мудрее, — произнес киммериец и отправил неожиданных гостей отдыхать в соседнюю каюту. Киммериец хотел остаться один и немного подумать. Жрец, теперь отчитывающийся за свои грехи Сету-владыке, упомянул что-то о ворах из Заморы. Теперь рассказ этих двоих о лодке... На них напали, жрец мертв, в руках Конана оказался некий ларец... Уж не в нем ли все дело?

«Странная история, — сказал сам себе варвар. — Может быть, все эти события связаны? Разберемся!»

Глава третья

Как и всегда, заклинание сработало безотказно. Хадаг увидел красное, неприятное лицо верховного жреца.

— Ну, и что там у тебя? — раздражено спросил Яга, оторвавшись от трапезы.

«Чтоб ты подавился, жирная свинья», — подумал Хадаг, но ответил вежливо:

— Как вы и сказали, беглого жреца приютил у себя некий моряк, который, очевидно, жреца и пристукнул, похитив сверток. Но самое интересное случилось потом. Видимо, кроме нас, за беглецом охотились стигийцы. Так вот, моряк, оказавшийся капитаном галеры «Тигрица», устроил в таверне небольшую бойню, а чтобы замести следы, сжег здание и уплыл...

— Что? — брызгая слюной, завизжал Яга. — Ты, идиот проклятый, упустил талисман жреца? Выродок, сын выродка и шлюхи! Да я тебя!.. — жрец Затха чуть не захлебнулся, а потому не смог закончить фразу.

Хадагу с трудом удалось справиться с терзавшим его гневом.

— Не все так плохо, вместе с этим капитаном уплыли и мои ребята! Я заранее побеспокоился об этом.

— Ты уверен? — немного успокоился жрец.

— Да, но в любом случае, мне придется снарядить корабль, чтобы догнать «Тигрицу».

— Делай что хочешь, но достань мне *эту вещь!* Если уж Черный Круг так засуетился, то значит, они ценят сверток очень высоко!

— Все верно, но у меня ушла куча денег на подкуп стигийца, знающего имя капитана. А теперь еще и корабль...

Яга раздраженно махнул рукой:

— Деньги меня сейчас не волнуют. Пришли своего человека в условленное место, и там он получит пять тысяч золотых. Главное не упусти «Тигрицу» и сокровище!

Хадаг согнулся в легком поклоне, в котором было больше презрения, нежели почтения. Портал, связывавший его со жрецом, исчез.

— Ха-ха, — раскатисто захохотал замориец. — Жирная свинья мнит себя умнее всех? Дурак! И дурак богатый, которого однажды более умные люди оберут до нитки. А эта вещица... Хм, ну если она такая дорогая, то мы сами продадим ее! Хадаг работает только на себя!

Теперь наемники славно погуляют на деньги жреца! А остальное — не наша забота!

* * *

Жрец безостановочно смеялся, потрясая своими жирными телесами. Этот тупой наемник возомнил себя умнее Верховного Жреца Йезуда! Глупец! Он еще не подозревает, какой сюрприз приготовил ему Яга.

И какую смерть...

* * *

Тот Амон, только что более всего смахивавший на каменное изваяние, нежели на живого человека, шевельнулся. Все находящиеся в зале жрецы, воины и рабы поспешно опустили к полу глаза, не рискуя встретиться взглядом с разгневанным повелителем.

Медитировавший более суток колдун сделал едва заметный жест пальцами, и тут же к нему подбежал немой кушит с охлажденным кувшином воды. Едва пригубив, Тот Амон снова погрузился в раздумья.

«Мятежный Тот-ан-Хатеп мертв. В городке, по ту сторону Нилуса — паника, якобы там видели Амру...»

Колдун гневно свел брови, и все находящиеся в зале упали на колени, уткнувшись лбами в пол. Тот Амон, не обратив на это внимания, продолжил размышлять.

«Неужто Конан-варвар снова пересек мой путь? Или это ложь, в попытке оправдать собственное бессилие? Хотя... Капитан гарнизона утверждал, что сам видел его. Такие попытки невозможно выдержать. Значит, не врал. Что же мне тогда делать? Как отыскать украденное в Птейоне Проклятом?»

К глубокому сожалению владыки Черного Круга, он не мог обратиться к слугам Харахта, ранее, чем через полную луну. А это значит, что ему придется разыскивать киммерийца самому. Была еще надежда на наемников, которые, судя по всему, успели пробраться на галеру проклятого варвара.

И тут голову Тот Амона пронзила гениальная мысль, иначе назвать ее было невозможно.

«Пускай сам киммериец и найдет то, что сокрыто древними. Ведь он славится тем, что выбирается из всех передраг живым и невредимым! А я буду ждать и наблюдать. Это самое простое и верное решение...»

Прямо сейчас Тот Амону требовалось заняться другим делом: маг должен был выяснить, что за ужас появился возле Кеми?

* * *

Мир имел лишь три цвета: серый и алый, со множеством оттенков, перетекающих один в другой. И на их фоне ярко пылал девственно-белый огонь, чистый, манящий и зовущий, но одновременно ложащийся тяжелой ношей на плечи Идрага.

Избранник Сета в последний раз взглянул на одного из своих воинов и на преследователей. Жалкие черви, копошащиеся в грязи и трясущиеся от страха, на этот раз решились дать отпор! Невероятно!

Долг должен быть выполнен, а потому Идраг уводил часть своих воинов прочь от города, бросая оставшихся на растерзание врагам. Избранный видел, как его воины уничтожают бесхвостых десятками, пока один из них не стал использовать колдовской огонь, способный уничтожить солдат Идрага...

— Выходит, рабы вынюхали магические секреты, — негодованию Избранного не было предела, но остановится он не мог. Свет звал его за собой.

Сейчас царит ночь и они будут бежать вперед без устали, пока на небе не появится око Ра, которое бесхвостые почему-то называли оком Митры. Подспудно Идраг понимал, что в мире очень многое переменилось, но осмыслить этого он не мог. Кроме исполнения Предназначения, возврата карты-ключа, его терзал только один вопрос: куда подевались остальные змеелюди,

обитатели великого Валузийского царства?

На рассвете, пока туман еще прятал змееногих от губительного света, Избранный отыскал укромную бухточку, где они стали зарываться в песок, чтобы не погибнуть на жаре.

Со смертью каждого из воинов, Идраг терял и свои силы. А потому, он должен был спешить.

* * *

Конан внимательно разглядывал ларец, вертя его в ладонях. Весь ящичек был покрыт изящной резьбой и выглядел довольно древним. Пожалуй, даже *слишком* древним, о чем говорили стесанные углы и стертый орнамент.

Будучи в молодости вором, киммериец с легкостью научился оценивать подобные вещи. Где-нибудь в Шадизаре, в одной из лавок ценителей древности, он мог бы выручить за подобный ларец не менее пары сотен золотых монет. Ах, как славно они с приятелями гульнули бы на эти денежки в Пустыньке, воровском квартале Шадизара!

Сейчас находка почему-то не очень радовала киммерийца. А все потому что с этим были связаны колдуны. Уж кто-кто, а Тот Амон не станет суетиться по пустякам.

— Ну, да ладно, — решил Конан, отбрасывая сомнения. — Выкинуть эту дрянь в море никогда не поздно!

Он попытался открыть крышку, но та не поддавалась.

— Да что такое? — недовольно захрипел варвар, налегая сильнее. Затем в ход пошел острый кинжал. В Замоге он освоил искусство отпираания дверей и потайных замков, но сейчас старые знания не помогли.

— Может, секрет скрыт в рисунке? — озадачился Конан. Он встречал шкатулки, где секрет заключался в определенной комбинации нажатий на нужные изображения.

Приглядевшись получше, киммериец насчитал не менее сотни скелетов и мумий, кланяющихся какому-то чудовищу с жезлом в руке.

Он жал на них так и эдак, но ничего не происходило.

— А, Сет тебя задери, — не выдержал Конан, огласив каюту громким рыком, и швырнул ларец в стену. — Нергалово отродье! Чтоб Хануман пожрал всех колдунов и их секреты!

Раздался громкий щелчок, и крышка отскочила.

— Пасть Сета! — вновь выругался киммериец. Такого поворота он не ожидал.

Подойдя к ларцу, он наклонился и посмотрел, что из него выпало. Внутри шкатулки лежал маленький жезл, длинной в ладонь, весь испещренный полосами и значками. Изучить находку как следует варвар не успел. В дверной проем просунулась голова Риальдо, и он тихо зашипел:

— Вышли в устье Стикса, вокруг шныряют стигийские галеры, но нас пока еще скрывает туман.

— Наверняка они предупреждены, — ответил Конан. — Мы попытаемся их обмануть. Пусть, на всякий случай, все будут готовы к бою. Соблюдать тишину! Да, и приставь по матросу к новеньким, так, для надежности.

Киммериец захлопнул шкатулку и, убрав ее в сундук, вышел.

Все ключины были обмотаны тряпками, а моряки споро работали, зажав в зубах кинжалы и готовые пустить их в ход в любой момент. Неподалеку лежали обнаженные сабли и заряженные, арбалеты. Быстро достигнув штурвала, Конан взял на себя управление галерой. Так

как устье Стикса было шириной не менее пяти лиг, то стигийцы, безусловно, не могли перекрыть его целиком, но они патрулировали ту его часть, что вела к Аргосу и Зингаре.

Конан повернул на юг. Кто же подумает, что он осмелится проплыть вдоль всей Стигии, достигнув Куша? На этот счет у хитроумного варвара тоже был план. Он отлично знал кушитов и, используя их, намеревался сколотить великолепную команду, с которой в любом порту будет не стыдно показаться. Заодно, отыщется время разобраться с находкой.

Все получилось очень удачно. Когда молочно-белый туман рассеялся, воды огромной реки продолжали кишеть стигийскими галерами, поджидающими добычу. Но «Тигрица» давно ускользнула от охотников.

А потом на ее борту разразилась буря. Из каюты капитана пропал ларец. К тому же, одного из моряков нашли со сломанной шеей. Начав методично проверять «Тигрицу», Конан обнаружил исчезновение шлюпа, а вместе с ним и двоих новеньких: Базала и Заураба. Отношение экипажа к остальным новичкам тут же переменялось. Само собой, не в лучшую сторону.

— Ну и что будем делать? — в очередной раз спросил Риальдо.

— Идти прежним курсом. Охоту на нас еще никто не отменил, так что повернуть сейчас мы не можем. К тому же нам опять не хватает людей!

Риальдо только выругался себе под нос. В произошедшем он винил себя. Ведь это именно он разрешил чужакам подняться на палубу, а капитану ничего не оставалось делать, кроме как принять их!

— Сядь, — приказал Конан.

— Но теперь ларец у этих шелудивых псов! А с ним и наш клад!

— Может, да, а может, и нет, — хитро сощурившись, ухмыльнулся Конан.

— Как это так? — не понял Риальдо. — Ларец же они украли?

— Ларец украли. А содержимое... — киммериец, жестом базарного фокусника, извлек из поясного ремня со множеством карманчиков небольшой жезл.

— ...А содержимое осталось у нас. Теперь, по крайней мере, мы знаем, что на борту больше нет слуг Тот Амона. Только учти — никому ни слова! Пускай все думают, что мы все так же уходим от погони.

— Ты сомневаешься в надежности остальных новеньких? Так может лучше отправить их кормить рыб?

— Нет, — отрезал киммериец. Он не мог так поступить, пока у него не было никаких доказательств. Ведь он принял дар от гиперборейца с афгулом, а Александриаса и Траска нанял. Следовательно, Конан был теперь за них в ответе. Убить их сейчас, из пустого подозрения, было невозможно. А для воина нет ничего хуже, чем жить с грузом предательства на сердце. И потом, разве будут его уважать в чертогах Крома за такой поступок? Киммериец никогда не пойдет на подлость!

* * *

Облачившись в легкий, не мешающий движениям халат, Яга растянулся на просторном диване и попивал охлажденное вино. Жрец ликовал. Те двое, на которых так рассчитывал Хадаг, были сегодня им перекуплены.

Эти болваны не смогли даже правильно воспользоваться нужным заклинанием, а потому вместо своего командира связались с Ягой. Что, впрочем, было жрецу только на руку. Пообещав

наймитам баснословный куш, Яга уговорил их направится в торговый город Эрук, где их встретят верные люди. Само собой, что изменников ждет только дыба, слишком уж много они знают... Хотя, может, он и не станет убивать их сразу, а выяснит все возможное о Хадаге.

Вспомнив о наглом заморийце, Яга решил преподать ему хороший урок.

По его жесту, миловидные мальчишки-рабы подкатили к дивану глаз Затха, огромный шар располагающийся на треноге с колесиками. Око Затха налилось багровым светом, и Яга увидел рыжеволосого воина в объятиях сразу трех дев. Жрец поморщился, внимательно рассматривая этих коров с огромными грудями. Сам он предпочитал молоденьких и стройных мальчишек, так и брызжущих страстью.

— Хадаг, — повелительно позвал он.

Атлет мигом вскочил, обнажая при этом меч. Где он находился все это время, Яга не знал...

— Это ты, Яга? — красивое лицо заморийца пересекла нагловатая ухмылка.

— Так ты исполняешь мои приказы? — на миг жрец даже опешил. Еще никогда и никто не смел называть его по имени. — Ах, ты грязный, шелудивый пес! — взорвался Верховный Жрец Йезуда. — Где ты сейчас находишься?

Хадаг продолжал снисходительно улыбаться.

— Мы идем на всех парусах в Асгалун. По моим сведениям, варвар отплыл именно туда.

— Недоумок! Помесь гиены со скунсом! Даже мне известно, что Конан сейчас на юге!

— Да что ты говоришь? — сделал изумленный вид Хадаг. — А мы-то и не знали...

— С каких это пор слуги разговаривают с господами на «ты»? — брызгая слюной, завизжал Яга. — Больше я не нуждаюсь в твоих услугах! Появишься в Заморе — умрешь!

— Ой, боюсь, боюсь, боюсь, — передразнил его замориец. — А ручонки-то жирные дотянутся?

Пробормотав заклинание, жрец закрыл портал, поклявшись, что доберется до этого мерзавца. Велев слугам позвать писца, Яга мысленно стал составлять послание начальнику стражи Асгалуна, которое он пошлет ему вместе с мешочком золота. Другой такой же он передаст, когда Хадаг вновь окажется в городе. Под надежной стражей.

Еще немного поразмыслив, Яга снова повернулся к оку Затха. Шар высветил огромный, мрачный зал, со столь же огромным и мрачным хозяином. Тот Амон прожег Ягу ледяным и неприязненным взглядом, так что последний невольно поежился.

— Что ты желаешь узнать, жрец Паука? — громовой, чуть шипящий голос отдался эхом в ушах.

Собрав все силы, Яга произнес:

— Ты ищешь воров, великий Тот Амон? Я знаю, где они.

И он дал приметы Хадага, а также его корабля.

— Я понял тебя, жрец Паука:

И портал захлопнулся. Но на этот раз не по желанию Яги.

«Ничего, — подумал тот. — Скоро вы все не так запоете, поняв, кто вас обманул, и у кого теперь находится ларец! И тогда я смогу заломить за него тройную цену, включая в качестве уплаты и голову Хадага!.. Если, конечно, его поймает Тот Амон...»

* * *

...А великий и могучий Тот Амон в этот момент сидел на своем каменном троне в Кеми,

мрачно сдвинув брови. Его люди подтвердили, что ларец пропал. Но проклятый киммериец продолжал упорно плыть на юг. Зачем? Просто чтобы скрыться? Вряд ли, варвар не привык отступать. Значит, происходит нечто непонятное.

«А для чего, спрашивается, Яга-паучок предал своего человека? Связавшись сегодня со мной, он выдал себя. Ловушка? Может быть. А может, двое сбежавших с корабля Конана везут (или уже привезли?!) ему наследие Древних?.. Но, в таком случае, куда продолжает плыть Конан? Он не такой дурак, как о нем думают очень многие. За долгие годы противостояния мы с киммерийцем научились уважать друг друга, и я понимаю, что Конана нельзя недооценивать!»

— Ну, что ж. Я сыграю в твою игру, паучий жрец, — решил колдун. — И посмотрим, кто выиграет партию!.. А пока что я буду присматривать и за тобой, и за киммерийцем. Рано или поздно один из вас совершит непоправимую ошибку...

* * *

Хадаг рыдал от хохота. Яга, привыкший сидеть в своем храме, решил обыграть его, человека, выросшего в самых грязных трущобах Арэнджуна и Шадизара! Замориец никогда и никому не доверял, а потому перестраховался, понимая, что жрец продаст его стигийцам. Ни на каком корабле наемники не плыли, а сидели на одном из постоянных дворов в Шеме и пропивали деньги жреца.

Прекрасно понимая, что Яга попытается подкупить посланных им на «Тигрицу» людей, Хадаг перекрыл все возможные караванные пути в Замору. Все получилось именно так, как и предполагал замориец. Прельщенные возможностью сказочно обогатиться, Заураб и Базал предали отряд, однако ни жрец, ни они сами, не учли одной вещи: никто не знал людей Хадага так, как он сам. Воин понял, где следует искать наемников, едва они ступят на твердую землю...

Гарнизонным солдатам прибрежных портов не было никакого дела до Верховного Жреца Йезуда, зато они были не прочь заработать. Так что посланная Хадагом весть о крупной награде за поимку этих людей быстро разнеслась по побережью Стикса.

Все вышло как нельзя лучше. Изрядно подвыпивших наемников взяли прямо в кроватях, где они мирно отдыхали после праведных трудов. Само собой разумеется, что все их вещи, включая ларец, пропали. Но это недоразумение быстро разрешилось — хватило одной взятки начальнику гарнизона. Но траты того стоили. Теперь беглецы оказались в руках Хадага, равно как и ларец.

Конечно же, кара за предательство была одна — смерть. Но замориец не спешил. У него родился план, как вытянуть из карманов Яги еще немного золота прежде, чем Хадаг покинет эти земли.

— Фивор, — позвал Хадаг своего помощника, — Тащи сюда Забула!

Спустя мгновение в комнату вошел огромный мускулистый воин с темной кожей.

— Слушаю, капитан, — произнес зембабвиец, с нескрываемым интересом разглядывая голых девиц, развалившихся на кровати. Хадаг приказал девушкам одеться и выйти, подождал, пока они не покинут комнату, а затем сказал:

— Забул, постоянно хвастаешь, будто являешься потомком колдунов своего клана?

— Да, конечно. Мой дед был величайшим... Ну, просто очень хорошим колдуном, — посмотрев на сузившиеся глаза заморийца, Забул осекся. Он знал, как бывает опасен их командир в гневе.

Гигант-кофиец осторожно приоткрыл дверь, спрашивая разрешения войти.

— Фивор, посмотри, не подслушивает ли кто, и заходи внутрь.

— Вот, возьми, — Хадаг сунул в руки чернокожего ларец. — Если ты колдун, значит, сможешь открыть магическую шкатулку.

Забул на какой-то миг растерялся, а когда Фивор поднес к его лицу кулак размером с пивную бочку, темная кожа зембабвийца посерела.

— Попробуй только не открыть!

Забулу не оставалось ничего другого, кроме как взяться за дело. Он принялся трясти и вертеть ларец, при этом пританцовывая и напевая что-то под нос.

Видимо, примитивная магия шаманов Зембабве на шкатулку не действовала, и Забул принялся ругаться и поминать всех богов и демонов более чем на двух дюжинах языков. Наконец, он в сердцах саданул ларцом о стену, замочек не выдержал и сломался. Крышка шкатулки раскрылась.

— Надо же, — подивился Хадаг. — У тебя и впрямь есть кое-какие способности. Дай мне ларец!

Забул расплылся в довольной улыбке. И не столько от похвалы, сколько от того, что он останется жив сегодня. Хадаг очень не любил, когда его водили за нос, а колдун из Забула был, скажем прямо, никудышный.

— Капитан, — встревожился Фивор. — В шкатулке пусто!

Хадаг спокойно заглянул внутрь и равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Это решительно ничего не меняет!

— Но ведь нам нечего теперь продать Яге, — расстроено сказал тугодум-кофиец.

— Главное, мой друг, — начал терпеливо объяснять Хадаг, — не сама вещь, а сведения о ней. Ведь никто кроме нас, не знает, что ларец пуст. Правильно?

— И что дальше?

— Всем остальным, особенно скупердяю-Яге, мы скажем, что в ларце лежат... Допустим, лежат некие древние сокровища. Когда ларец будет вскрыт, то все подумают, что это мы забрали содержимое, и у нас появится новая возможность заработать — Яга будут вынужден вновь платить выкуп.

Фивор и Забул были восхищены хитростью заморийца.

— Главное, чтобы никто не знал об этом. Даже наши наемники! А то сболтнут лишнего, и торг не удастся...

Хадаг многозначительно посмотрел на зембабвийца.

— Я буду нем, как рыба, — заверил капитана Забул.

— Верное решение, — согласился с ним Фивор.

— Иначе, ты и вправду онемеешь.

— Теперь мы подождем, когда появится Яга, — довольно улыбнулся Хадаг. — Поскольку он и будет нашим первым покупателем. Уверен, что вслед за ним появятся и другие.

— Кто? — в один голос спросили заговорщики.

— Стигийцы, — Хадагу нравилось удивлять этих олухов. — Им мы тоже попробуем кое-что продать.

— Ларец? — с пониманием спросил Забул.

— Сомневаюсь... Тот Амон вовсе не такой идиот, как Яга. Мы сделаем лучше. Начнем религиозную войну в Стигии. Заставим жрецов Сета передрасться между собой!

— Это невозможно! Черный Круг нас попросту раздавит, — ужаснулся зембабвиец, который слишком хорошо знал о силе и влиянии Стигии.

— Отряд наемников, даже самый лучший, не сможет противостоять конклаву черных магов!

— Коли действовать с умом, то можно будет совершить самое невероятное, —

рассудительно сказал Хадаг. — Обратим гнев высших жрецов против Тот Амона. Слишком многие колдуны жаждут занять его трон. Мы пустим слухок, будто Тот Амон разграбил гробницы в Птейоне Проклятом, а украденные из некрополя вещи потерял. Потом за хорошее вознаграждение мы расскажем заинтересованным жрецам Сета, что похитил Тот Амон, и где эта вещь сейчас находится...

— А откуда мы узнаем, что было внутри ларца? — Фивор доселе не понимал, о чем идет речь.

— Нам это не нужно, — Хадаг отрицательно покачал головой. — Сейчас необходимо сообщить жрецам лишь подробное описание ларца. Этого будет достаточно. А где находится содержимое? — замориец предвосхитил следующий вопрос Фивора. — Разумеется, на юге. Плывет на галере «Тигрица», чьим капитаном является некий варвар по имени Конан Канах. Убиваем нескольких львов одной стрелой!

Зембабвиец довольно засмеялся.

— Хитро, ай как хитро.

— Стигийцы, безусловно, попытаются захватить нас и поговорить по душам в пыточной — это будет гораздо дешевле, чем платить выкуп. Однако мы просто-напросто укажем десяток разных мест для встречи, причем встречаться со жрецами мы будем только в Шеме, где стигийцев не жалуют. Жрецы не смогут привести с собой солдат, а мы нагрянем на место встречи всем отрядом!

— И перебьем проклятых магов? — кровожадно ухмыльнулся Фивор.

— Ни в коем случае! Просто заберем деньги, а затем выложим нужные им сведения, особо указав на вероломство Тот Амона, посягнувшего на священные гробницы Птейона. Чем больше шумихи поднимется вокруг этого дела, тем лучше.

Пускай стигийцы грызутся между собой. Сперва расскажем о ларце, затем, взвинтив цену — о том, где он находится.

— ...А еще позже, о том, где сейчас галера варвара, — восхищенно воскликнул Забул, наконец-то уяснив план командира.

— Точно. Меж тем объявится Яга, и мы продадим ему пустой ларец.

— А потом и его содержимое, — заухал Фивор. Теперь и он стал кое-что улавливать. — Только как это сделать?

— Ничего сложного. Назначим Яге место встречи, и перебьем всех прибывших туда, — сообразил Забул.

— Ну, что ж, пора действовать, — решил Хадаг. — Разбейте отряд на группы по пять человек и отправьте их по окрестным городкам распускать сплетни. Прежде всего ищите храмы Сета, и говорите жрецам о негодяе Тот Амоне, который покусился на священный город. Подробно описывайте жрецам шкатулку — запомнили, как она выглядит? Думаю, они поймут, что это за вещь... Через десять дней весь отряд должен будет собраться возле этого рыбацкого поселка на побережье Шема!

Замориец подчеркнул на подробной карте шемской береговой линии название безвестной деревни...

Глава четвертая

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая морскую воду в лазурный цвет. На поверхности водной глади время от времени мелькали гибкие тела дельфинов, посланников морских богов, которые не раз спасали жизнь моряков, терпящих кораблекрушение. Конан поневоле залюбовался игрой «морских лошадок» — так называли дельфинов в Зингаре.

«Добрый знак», — подумал киммериец. Он, как и все моряки, был немного суеверен, а потому улыбался, видя дельфинов. Куда хуже, если бы следом плыли акулы — эти стервятники моря на любом расстоянии чувствовали кровь. Даже ту, которой еще только суждено была пролиться. Редкое спокойствие и умиротворение окутывало мятежную душу Конана, более привычную к боям и кровопролитиям. Нельзя сказать, что киммериец был черствым человеком, скорее наоборот — только он, исходивший вдоль и поперек всю Хайборию, мог оценить красоты природы. Конан ощущал остроту жизни, лишь когда находился в опасности. Борьба, вот что привлекало киммерийца. И неважно, с кем предстоял поединок — со стихией или человеком. Лишь побеждая новых врагов или преодолевая препятствия, он оставался самим собой, а жажда новых ощущений постоянно гнала варвара вперед.

Прекрасное настроение киммерийца немедля улетучилось, стоило ему вспомнить последний разговор с Риальдо.

В один из вечеров, разглядывая найденный в ларце скипетр, они долго обсуждали, что же за странные узоры его украшают.

— Может, тут изображены морские течения? — предположил пират, но тут же отверг эту идею. — Впрочем нет, не похоже.

Риальдо знал направления всех течений, начиная от берегов Пиктских пустошей, и до самых Черных Королевств.

— Горы?

На этот раз покачал головой Конан.

— Не думаю...

И тут шкипер громко хлопнул себя по лбу ладонью.

— Конечно же! Это река! Река, притоки и дельта!

Конан присмотрелся к узору и кивнул.

— Ты прав, старый пес. Это река. Вот только какая?

— Может быть, Стикс? — предположил Риальдо, не слишком хорошо знакомый с реками на материке. Старый пират предпочитал бескрайние морские просторы.

— Боюсь, ты ошибаешься, — Конан вспомнил свое путешествие по Стиксу в поисках серебряного лотоса. — У Стикса более широкое устье и нет стольких притоков.

— Громовая? Хорот? — наобум произнес пират, но ответить киммерийцу не дал, сразу же спросив: — Интересно, а почему реку на скипетре изобразили черными линиями? Было бы разумнее нарисовать ее синей или голубой краской...

Брови Конана сурово сошлись.

— Черные линии? Послушай, Риальдо, ты просто суший гений! В Хайбории есть только две реки, которые называют Черными!

— Ты имеешь в виду реку, протекающую по землям пиктов?

Киммериец замолчал, лишь его кулаки сжались так, что захрустели суставы. Наконец, он выдавил:

— Это Зархеба, теперь я узнал карту... Воды Зархебы ядовиты и черны, как ночь.

В памяти всплыли картины прошлого. Конан снова был на «Тигрице». На самой первой «Тигрице». На настоящей «Тигрице». Где с ним, с Амрой-львом, была его Тигрица — Белит, прекрасная шемитка, погибшая на мертвой реке...

— Что за знак стоит первым? — спросил Конан.

— Какой-то треугольник с двумя красными кругами над ним.

— Треугольник? Да, это должно быть пирамида. На берегу Зархебы есть древняя пирамида. А круги — глаза? У той твари были алые глаза.

— Какие глаза? У какой твари? — не понял Риальдо и с недоумением взглянул на Конана — слишком уж взволнованный вид был у капитана.

Сам не зная почему, Конан вкратце рассказал пирату историю гибели Белит.

Немного помолчав, Риальдо покачал головой и ответил:

— У меня есть хорошее предложение, Конан. Давай поворачивать назад. Пора возвращаться домой.

— Домой? — невесело усмехнулся киммериец. — А где он, наш дом? Впрочем, у меня найдется предложение получше — мы отправляемся на Реку Смерти! Пошли на палубу...

Конан и сам не знал, почему он отдает этот приказ. Возможно, киммериец хотел еще раз узреть темные воды Зархебы.

* * *

Две седмицы дул попутный ветер, чужие корабли на горизонте не показывались, море было пустынно. Варвар стоял на мостике, облокотившись о планшир, и смотрел на дельфинов.

— Капитан, — громко закричал впередсмотрящий, свесившийся из вороньего гнезда. — Корабли!

— Кажется, начались неприятности, — понял северянин и прикрикнул на матроса: — Где корабли, сколько, в каком идут направлении?

Наблюдатель должен был сразу сообщить, откуда исходит опасность.

— Сзади!

Конан поморщился и мысленно пообещал поганцу, что тот выучит правильные морские термины, еще до того, как наступит вечер.

Быстро перейдя на корму, киммериец осмотрел горизонт и обомлел. «Тигрицу» настигала целая армада. Должно быть, за ними шел весь стигийский флот. Конан насчитал около трех дюжин тяжелых галер.

— Боги всеблагие, что делается на белом свете... — только и смог выдавить пораженный киммериец. К счастью, впередсмотрящий заметил корабли вовремя, и галеры пока едва виднелись на горизонте. Так что у команды «Тигрицы» еще было время уйти. Хотя галеры стигийцев куда более быстроходны...

— Поднять паруса, все на весла, — зычно гаркнул северянин. Главное — выиграть время, а уж там посмотрим, чья возьмет! Сидящий на корме барабанщик начал отбивать быстрый ритм, которому подчинялись гребцы.

— Конан, что будем делать? — взволнованно воскликнул Риальдо. — В море мы от них не уйдем.

— Сам знаю, разорви их три сотни кракенов! На берег высаживаться тоже нельзя — змеепоклонники сразу захватят или сожгут «Тигрицу». Дай подумать...

Впервые за долгие годы Конан почувствовал себя мышонком, попавшим в лапы огромной голодной кошке. Силой стигийцев не одолеть, их слишком много. Остается понадеяться на собственную хитрость и смекалку.

Воспоминания прошлого охватили киммерийца. Вновь он на «Тигрице», и вновь ветер раздувает паруса. Вот только Белит, с ним больше нет. Зато есть черная река и неведомое сокровище, которое может принести гибель...

Сейчас надо было спасти корабль, и варвару ничего не оставалось делать, кроме как отдать приказ команде:

— Идем прежним курсом. Не паниковать! Может быть, флот охотится вовсе не за нами! В конце концов, кто мы такие, чтобы удостоиться столь пристального внимания Черного Круга?

«Дело дрянь, — мысленно выругался Конан. — Неужели змеепоклонники охотятся за содержимым ларца? Вот только как они нас отыскали? На борту шпионов нет. Или все-таки есть?»

Конан подозрительно оглядел новобранцев, принятых в команду в Шеме. У киммерийца уже сложилось о каждом них определенное мнение. Аквилонец оказался неплохим моряком и балагуром, постоянно веселящим команду историями о своих любовных похождениях, однако Конану он не нравился. Аквилонец явно что-то скрывал. Немедиец, как Конан и предположил ранее, был опытным воякой. Оставив службу в армии, Траск подался в наемники, где и встретил Александриаса.

Двое других новеньких интересовали варвара куда сильнее. Хаарл, высоченный гипербореец, был настоящей загадкой.

Несмотря на худобу, силой он превосходил Конана и даже могучего боцмана «Тигрицы» Барука. Его знания и речь могли поставить в тупик любого книжника. Конану нравилось беседовать с Хаарлом — тот был знатоком военного дела, и они часто вспоминали события былых войн за кувшином доброго аргосского. Киммериец не понимал одного — почему этот человек, варвар по происхождению и облику, так хорошо образован? Странно...

К Джафару, подходило лишь одно определение — волк. И повадки, и манера поведения, и постоянная готовность к бою — все в Джафаре напоминало этого опасного, хищного зверя. Афгул ни с кем не разговаривал, да и команда его избегала. Он часто стоял у борта и смотрел вдаль, будто что-то гнало Джафара вперед, к неведомой цели.

«Так кто же из них? — в очередной раз подумал Конан. — Кто может быть прислужником Тот Амона? Александриас и Траск вроде бы пришли из Турана, но они могли и солгать. Хаарл с афгулом нашли лодку жреца, и на них самих напали стигийцы. Ничего не понимаю...»

Несмотря на легкость и быстроходность «Тигрицы», к полудню большая часть тяжеловесных стигийских галер подошла на расстояние двух лиг, и Конану стало ясно, что здесь не обошлось без магии.

Впередсмотрящий снова огласил палубу громовым выкриком:

— Справа по борту новая эскадра, капитан.

— Они что, в своей поганой Стигии с ума все посходили? — на этот раз Конан начал ругаться вслух, чем несказанно удивил моряков. Они давно привыкли, что их грозный капитан умеет держать себя в руках. — Охотиться на несчастную пиратскую галеру так, будто мы везем все сокровища мира? Что мы им такого сделали, Сет вас зажри?

Но в еще большее изумление Конана поверг очередной возглас, донесшийся из вороньего гнезда:

— Это флот Барахас! Вымпелы берегового братства!

Впередсмотрящий ошибиться не мог. Он сам был пиратом с Барахских островов и опознал бы эти корабли даже в безлунную ночь.

Зрелище и впрямь было небывалым. Очень редко капитаны-одиночки сбивались в небольшие флотилии для набегов на прибрежные города. Но чтобы объединенный флот Братства появился здесь, в этих всеми богами забытых водах? Необъяснимо!

— Что происходит? — звучали вопросы на палубе.

Моряки с надеждой смотрели на капитана, однако Конан не мог дать четкий и вразумительный ответ. Неужели причиной всех этих невероятных событий является найденный в ларце жезл?

Конан задрал голову и позвал впередсмотрящего:

— Смотри внимательно, когда появится устье реки. Да не пропусти его, иначе вышвырну за борт, как новорожденного котенка!

Угроза была лишней. Все понимали, что произойдет, если один из флотов настигнет «Тигрицу».

Чтобы хоть как-то подбодрить пиратов, Конан обратился к команде:

— Что приуныли, морские волки? Может, вы уже сдались на милость победителя, наделав при этом в штаны? Ну-ка, все дружно налегли на весла! Мы войдем в устье реки, а две своры бешеных псов сцепятся между собой. Если кто струсил — пускай прыгает в воду и плывет навстречу стигийцам!

Большинство пиратов не мечтают дожить до глубокой старости. Смерть в бою, от abordажной сабли или арбалетного болта, кажется им куда более заманчивой, однако и напрашиваться на нее понапрасну никто не станет. Моряки дружно налегли на весла.

— Риальдо, — позвал кормчего Конан. — Следи за курсом. Как войдем в Зархебу, сменишь Барука за штурвалом.

На море началась схватка: корабли Берегового Братства устремились наперерез стигийцам, не желая упускать столь жирную добычу, однако стоило стигийскому флоту выстроиться боевым клином, как пираты отошли в сторону от тяжелых галер, предпочитая забрасывать их из катапульта горшками с горючей смесью. Вспыхивали короткие стычки, которые мгновенно становились роковыми для пиратов Братства — атаковать боевую галеру, с обученной и вымуштрованной командой было практически невозможно. Однако, и стигийцам был нанесен существенный урон — несколько кораблей оказались объаты пламенем.

Конан, ради такого грандиозного зрелища, с удовольствием задержался бы в открытом море и понаблюдал, чем кончится бой, но излишнее любопытство в данном случае могло оказаться губительным.

«Тигрица», легко скользя по водной глади, быстро шла к устью Зархебы навстречу прошлому и будущему.

* * *

Конан вертел в руках жезл, рассматривая странные значки и руны на его поверхности. Треугольники, очевидно, обозначали пирамиды, но что именно символизировали круги и квадраты, варвар не знал. Раз уж судьба, посмеявшись над киммерийцем, загнала его на Зархебу, надо выбирать дорогу...

Один из значков выглядел как треугольник со змеей в центре. Раз уж карта принадлежала стигийцам, поклоняющимся Сету, то вполне вероятно, что именно этим знаком они обозначили нечто важное.

Решено!

— Плыдем на восток, к устью одного из притоков реки, — вслух сказал киммериец, но мысли его вновь и вновь возвращались в прошлое.

Варвар и сам не верил, что может так легко, за одно мгновение, вспомнить давно прошедшие события. Конан продолжал изводить себя ненужными переживаниями, постоянно спрашивая, мог ли он спасти возлюбленную? Ответ был один. Да!

«Мог, мог, мог, — стучало молотом в голове. — Нельзя было оставлять Белит одну!»

От бессилия и безделья Конан готов был крушить все вокруг. Чтобы хоть как-то забыться, он отправился к морякам и, сев вместе с ними на весла, предался тяжелой и изматывающей работе.

Широкая река, будто темный червь вгрызалась в берег и уходила вглубь континента, рассекая джунгли черной лентой. Могучие стволы деревьев клонились к воде, создавая некое подобие природной арки. От этих необитаемых земель веяло древней злобой и ненавистью к человеку.

Обернувшись, киммериец увидел, что вся команда собралась на палубе, ожидая его решения.

И таковое решение было принято. Круг должен замкнуться.

«Тигрица» вновь вошла в темные, мертвые воды.

На палубу опустилась липкая тьма, заглушающая все звуки. Где-то позади остался шум морских волн и редкие крики чаек. Впереди ждала неизвестность.

— Все, как в ту ночь, — пробормотал Конан, припоминая первое путешествие. — Где-то неподалеку отсюда вынырнула огромная змея, проглотившая Юму. А чуть дальше закричала крылатая тварь, принятая Белит за обезьяну... Все это случилось будто вчера!

Однако на этот раз ночь прошла на удивление спокойно, а после рассвета команда «Тигрицы» увидела заброшенный город.

* * *

Скупая улыбка озарила мрачное лицо Тот Амона. Впервые за долгое время он получил приятные известия. Галеры, посланные вдогонку за «Тигрицей» его соперниками из числа жрецов Черного Круга, были потоплены. Впрочем, Береговому Братству тоже досталось, что не может не радовать. Для опытного в интригах колдуна не составило большого труда внушить пиратам с Барахас, что «Тигрица» везет очень ценный груз, стоимость которого неисчислима, а стигийские галеры являются не более чем легкой помехой. Результат: флот Барахас изрядно потрепан и вернулся на острова, а большинство кораблей мятежников-стигийцев лежит на дне. Теперь Тот Амон был единственным человеком, чьи суда находились на юге и продолжали наблюдать за устьем Зархебы.

Блестящая авантюра!

Почему? Да очень просто...

Во-первых, выступив перед конклавом жреческого круга Тот Амон теперь мог потребовать всеобщей мобилизации флота, что мгновенно путало карты его противников — они должны были отвечать за бездарно потерянные суда, которые формально принадлежали Стигии, а не самим колдунам. Во-вторых, победу над огромным количеством барахасских пиратов колдун вполне мог приписать себе, что добавляло ему авторитета как разумному политику и

полководцу.

Впрочем, сейчас у главы Черного Круга были другие дела. Следовало узнать, куда же направился проклятый варвар, вечно путающий все карты.

— Мы едем в Хаджар, — приказал Тот Амон своему личному слуге. Зембабвиец молча поклонился — воля господина была для него непреложным законом.

Остаться здесь, в Кеми, колдун не хотел. Слишком уж много врагов и завистников окружало его в столице Стигии. И только в своем дворце-склепе, на ядовитой почве оазиса Хаджар, чью землю за столетия жертвоприношений кровь пропитала до самой Нижней Сферы, Тот Амон чувствовал себя в полной безопасности.

Поднявшись с каменного трона, жрец направился на крышу башни, где он обычно изучал расположение звезд. Но на этот раз Тот Амона ждало иное занятие.

Поднявшись наверх, где его уже ожидал слуга со всем необходимым, колдун застыл в ожидании. Наконец, он начал читать заклинание. Подул ветер, принесший с собой холод ночи, и неожиданно из темноты выскочил Руркх, древняя и страшная тварь, считавшаяся вымершей многие тысячелетия назад. Тот Амону повезло отыскать одного такого монстра, странствуя по Черным Королевствам.

Огромная летучая мышь с кроваво-красными глазами приземлилась на крыше и застыла в ожидании. Колдун знал, что прежде чем оседлать этого необычного скакуна, он должен накормить его. Руркхи были прожорливыми существами, и этот не составлял исключения. Пришлось отдать Руркху слугу-зембабвийца — он мигом был разорван в клочья. Этот болван думал, что полетит с хозяином... Какая невыносимая глупость! Неужто Тот Амон воссядет вместе с низкороджденным рабом?

Запрыгнув, наконец, в седло, жрец заклинанием повелел Руркху взлетать. Летучая мышь доставит его в Хаджар к рассвету, хотя караваны от Кеми идут туда более трех дней.

Едва солнце показалось на горизонте, тварь приземлилась на крышу единственного здания находящегося в центре оазиса. Дворец, сложенный из красного песчаника, уходил глубоко под землю.

Именно здесь и располагалась истинная столица Тот Амона, отсюда он правил Стигией и прилегающими к ней государствами.

Тяжелый люк с массивным медным кольцом поднялся в воздух, открывая проход, ведущий вниз. Первому же встреченному слуге Тот Амон повелел укрыть Руркха, не переносящего дневного света, в каземате. Теперь летучая мышь довольно долго проспит, позавтракав перед этим очередным рабом.

Спустившись вниз, в самое глубокое подземелье, которое служило одновременно тронным залом и местом жертвоприношений, Тот Амон уселся на черный гранитный трон. Тут же появился новый управляющий. Данная должность была столь же выгодна, столь и опасна — слишком многие закончили свою жизнь на плахе за нерадивое отношение к делу. Надо отдать должное и самому Тот Амону, несколько не ценивший чужие жизни, он довольно снисходительно (до определенного предела) относился к своим управляющим — трудно найти умных и преданных людей. Нынешний был на этом посту уже более пяти лет.

Узнав о приезде хозяина, управляющий вбежал в зал и, упав на колени, уткнулся лбом в пол. Дождавшись разрешения встать, он начал доклад о проделанных в отсутствие господина работах.

Стигиец стал зачитывать вслух свитки: о новых рудниках с полезными ископаемыми, о закупке провизии и захвате рабов в Дарфаре. Затем последовал перечень пойманных редких животных, многие из которых пополнят зверинец повелителя, а другие пойдут на продажу.

Только глупцы полагали, что достаточно быть могущественным магом, дабы стать главой

Черного Круга. Чепуха! Для этого в первую очередь нужно золото, а оно не течет в руки глупых и ленивых. И уж кто-кто, а Тот Амон не относился ни к первым, ни ко вторым. Жрец ежедневно оттачивал свое магическое искусство, изнурял могучие тело физическими упражнениями и постами, так же постоянно отыскивал новые возможности обогащения, будь то торговля (естественно через подставных лиц) или же освоение неизвестных в Стигии ремесел.

Молча выслушав доклад и оставшись довольным положением дел, Тот Амон отпустил управляющего.

В зал внесли большой громоздкий шар и установили на медную треногу. Запылала жаровня, в которую были положены сушеные травы, а также кости умерщвленных людей и животных. Тот Амон и прежде не брезговал пользоваться знаниями шаманов распространенного в Черных Королевствах культа Дамбаллаха.

Прошептав несколько заклятий, колдун увидел море и тяжеловесную галеру. Тот Амон смог разглядеть суесящихся на палубе солдат и матросов. Затем появился главнокомандующий.

— Адмирал Менкара? Что там у вас происходит?

Главнокомандующий встал на одно колено и слегка склонил голову. Это был один из немногих уважающих себя людей — проявляя почтение к господину, адмирал никогда не раболепствовал.

— Мы не смогли обнаружить их, мой господин. Корабли, посланные дальше на юг, вернулись ни с чем. Очевидно, они и впрямь свернули на Зархебу.

Тот Амон кивнул:

— Я выясню это. Будьте готовы, возможно, вам придется продолжить преследование.

Даже если весть и не понравилась адмиралу, он смог сдержать себя и ответил:

— Господин, я осмелился отправить одну из галер назад. На нее были погружены все ценности, снятые с тонущих кораблей. Причем, большинство кораблей принадлежали Барахас.

Тот Амон внешне остался равнодушен, хотя в душе был доволен действиями адмирала. Его казну пополнил еще один золотой ручеек.

После подробной беседы с Менкарой, колдун устало откинулся на жесткую спинку каменного трона. Бессонные и беспокойные дни, проведенные в Кеми, давали о себе знать. Даже великий маг иногда нуждался в отдыхе.

* * *

Исследовав поутру развалины, Конан пришел к выводу, что город мертв. Видимо, даже после смерти крылатой твари здесь никто не стал селиться.

О прежнем величии города говорили лишь огромные глыбы гранита и мрамора, что валялись вокруг бесформенными кучами. Джунгли наконец-то поглотили последнее пристанище древней расы, последним представителем которой был злобный выродок, забравший жизнь возлюбленной Конана.

Пройдет еще лет десять, и эти жалкие остатки навсегда исчезнут под бурно разросшейся зеленью. А с ними исчезнет и память. Память о выродившейся цивилизации древних, о красноглазом чудище, о Белит...

— Нет! — вырвался рык из груди киммерийца. — Никогда! О тебе будут слагать песни, моя любовь.

Конан вернулся на корабль.

— Отправимся дальше? — сказал он, обратившись к Риальдо. — В глубине этой страны я прежде не бывал.

— Вот и побываем, — спокойно парировал пират. Он уже пообвыкся на Черной реке и сумел обуздать свой страх.

— А что указано на карте? — поинтересовался шкипер, когда они с Конаном вошли в капитанскую каюту.

— Посмотри, что могут означать эти символы? — и киммериец ткнул пальцем в два белых кружка. — Какие-нибудь идеи?

Риальдо лишь покачал головой.

— Что бы это ни значило, думаю, скоро мы все узнаем.

Следующие дни проходили крайне однообразно. Ничего не нарушало спокойствия команды, за исключением загадочных шорохов и леденящих душу стонов неведомых тварей, скрывавшихся в джунглях. На всякий случай Конан держал «Тигрицу» посередине реки, хотя именно Зархеба и представляла главную опасность, поскольку ее воды были ядовиты. Но отчего вода Зархебы стала отравленной — не знал никто. Над этим вопросом можно было ломать голову сколько угодно, но все предположения были бы далеки от истины — тут была замешана магия.

На третий день плавания люди увидели маленький ручеек, впадающий в Зархебу, а так как запасы пресной воды подходили к концу, то киммериец решил попытаться здесь счастья.

— Поднимемся пешком вверх по течению, — приказал он. — Возможно, ручей и не ядовит.

Риальдо решил пойти с капитаном.

— Ну уж нет, — отрезал варвар. — Приглядывайте за «Тигрицей». Вы с Баруком сможете избежать любой опасности и без меня!

Взяв с собой троих надежных людей, северянин отплыл на яле. Галеру решено было не подводить к берегу.

Едва они ступили на сушу, как оказались в чужеродном мире, наполненном духотой и незнакомыми запахами. Пройдя более трех миль и постоянно осматривая глинистый берег, киммериец никак не мог найти то, что так старательно искал. Пираты с уважением поглядывали на капитана, легко ориентировавшегося в буйных зарослях. Сами бы они не прошли и шага, свернув в сторону от ручья. Конан же постоянно исчезал из виду и столь же неожиданно появлялся, заставляя пиратов хвататься за сабли.

— Капитан, — не выдержал наконец один из корсаров. Звали его Мардо. — А что же мы ищем?

— Не твоего ума дело, — буркнул другой, прозванный Добряком. Это прозвище он подхватил за то, что отправил на Серые Равнины не меньше врагов, чем сам Конан. — Сказано идти вперед — значит, иди и помалкивай!

Добряк с надеждой посмотрел на капитана. Похоже, джунгли ему совсем не нравились. Пират не снимал руки с длинного зазубренного кинжала, которым владел в совершенстве. Его излюбленным приемом было мгновенно выпускать кишки противнику, который не успевал даже выхватить свой нож.

— Я ищу следы хоть каких-нибудь животных, — пояснил варвар. — Джунгли не могут быть мертвыми, здесь живут ящерицы, змеи или грызуны. Животным нужна вода. Понимаете?

— Значит, ручей отравлен? — предположил Мардо.

— Скорее всего.

Тщательно выбирая дорогу, они пошли дальше. Неожиданно Мардо споткнулся о корягу и полетел на землю, больно при этом ударившись. Тут же вскочив, он с силой пнул корневище ногой.

— Проклятый Нергалом лес! Здесь и ходить-то невозможно!

— Ты ошибаешься, — заверил его Конан. — Настоящие джунгли начинаются дальше. Вот там действительно будет сложновато идти.

— Это значит, нам придется прорубаться?

— Только в самых не заросших местах. Куда как легче забраться наверх и идти по кронам. Пираты переглянулись. Им стало казаться, что капитан просто издевается.

— Как обезьяны, что ли? — буркнул Мардо.

— Почти... Вы привыкли, что лес — это корни, ствол и крона, но на деле все намного сложнее. Джунгли — мир со своими собственными законами и своим порядком. К примеру, сейчас мы идем по земле, а дальше такой возможности может и не быть. В лесу, как и в человеческом мире, побеждает сильный. Большие деревья растут вверх, а более слабые занимают подлесок. Через такие заросли прорубиться просто невозможно. Сколько их ни руби, всех не перерубишь. Кроме того, во впадинах собирается вода и со временем образуются болота. Попадешь в топь — уже не выберешься. Так что лучше двигаться вперед по кронам деревьев.

— Вот это да! — по-детски бесхитростно воскликнул Мардо.

Неожиданно для всех Конан остановился и прислушался.

— Странно, — буркнул варвар. — И без того мертвый лес стал еще мертвее.

— Капитан, смотрите, — Мардо показывал на ручей, чья поверхность внезапно окрасилась во все цвета радуги. — Что это такое?

— Чтобы это ни было, оно находится впереди, — воскликнул неугомонный пират и, раздвинув заросли бурого папоротника, шагнул вперед.

...И совершенно неожиданно для себя Мардо рухнул на землю.

— Што слушилось? — прошепелявил пират и сплюнул кровь, текущую из разбитых губ.

— Ничего. Просто капитан дал тебе в зубы, — весело хмыкнул Рудо.

— Што? — Мардо попытался встать, но у него закружилась голова, и он снова упал.

— Да утихни ты, балда, — встрял Добряк. — Капитан спас твою шкуру.

— Ничего себе — спас, — пират коснулся разбитой губы и стал пересчитывать зубы языком. Вроде бы, все были на месте.

— А ты вот на это взгляни. — Добряк схватил Мардо за шкуру и поднял на ноги.

В центре соседней поляны, переливаясь всеми цветами радуги, раскинулась гигантская паутина, натянутая меж двух деревьев.

— Это радужный лишай, — пояснил Конан. — Я уже встречал нечто похожее. Своим цветом и запахом эта гадость подманивают жертв как можно ближе, а затем пожирает. Причем еще живых.

— Надо обойти поляну, — с умным видом произнес Мардо, все еще потирая челюсть.

— Надо, — согласился киммериец. — Запомните, на радужный лишай нельзя смотреть — лишишься рассудка...

— Будь прокляты эти джунгли! Так что же нам делать?

— Возвращаться назад. Эта вода негодна для питья. Пускай ее пьет Сет со своими прихвостнями. Будем искать другой ручей.

В этот момент один из зубов пирата, не выдержавший прикосновения кулака Конана, выпал.

— Тьфу, пропасть! — сплюнул Мардо. — Нельзя было полегче стукнуть?

— Извини, не рассчитал. На вот попей. — И Конан протянул Мардо флягу с вином. — Не расстраивайся. Вернешься, золотой себе вставишь. Или изумрудный.

— Так все-таки мы ищем клад, капитан? — При мысли о богатстве пират мгновенно забыл о боли.

— Ищем, ищем, — подтвердил киммериец, исчезая в зарослях.

— Вот видишь. Что я тебе говорил, — зашептал Мардо Добряку. — Они с Белит кое-что припрятали. Вот теперь мы и плывем за золотишком. Найдем и заживем на славу!

— Если Конан с тобой поделится, — встрял Рудо.

— Заткнитесь, — зло зашипел Добряк, кладя свою волосатую лапу на рукоять ножа. — Наш капитан — человек слова. Он своих не обделит.

— Забудь, это я так, к слову, — заволновался Рудо, понимая, что тягаться с Добряком в бою на ножах невозможно. — Я пошутил.

— Вот и оставь свои грязные шуточки при себе. Держи язык за зубами. А не можешь — так я его тебе мигом укорочу.

Слышавший эту перепалку Конан понял, что кроме Риальдо на «Тигрице» есть еще один надежный человек.

Следующий ручеек, питающий Зархебу, они встретили менее чем через сутки. Киммерийцу пришлось устроить новую вылазку, и к его удивлению в добровольцы вызвался Мардо. Слух о несметных сокровищах, спрятанных Конаном и Белит, распространилась по кораблю с небывалой быстротой. Видимо, жадность заставила пирата забыть о потерянном зубе и таящихся на берегу опасностях.

Неожиданно свою помощь в поисках воды предложил Хаарл.

— Конан, мне уже доводилось бывать в подобных местах, так что обузой я вам не буду.

В последнем киммериец не сомневался. Гипербореец был опытным воякой, попадавшим во многие неприятные переделки.

— Хорошо, пойдешь с нами, — согласился киммериец.

— Один варвар хорошо, а два — лучше, — пошутил Хаарл, но Конан задумался, а для кого это лучше?

Когда они садились в лодку, Риальдо шепнул капитану:

— Будь поосторожней. Хаарл интересовался кладом, и мне это не нравится.

Конану казалось, что здесь его уже ничто не сможет удивить, но Зархеба умудрилась преподнести очередной сюрприз.

Едва люди вошли в джунгли, как деревья неожиданно расступились, уступив место огромному черному озеру. Дав глазам привыкнуть к яркому солнечному свету, киммериец присвистнул от удивления. Вся поверхность озера была усеяна черным лотосом.

Тем самым, за щепотку которого любой колдун заплатит огромные деньги!

— Если продать весь этот лотос, денег хватит, чтобы всю Хайборию купить, — покачал головой киммериец.

— Всю — не всю, но на покупку какого-нибудь королевства хватит, — спокойно произнес Хаарл. Похоже, это зрелище его совсем не тронуло.

— А что здесь такого? — спросил Мардо. — Озеро как озеро.

— Только вот на нем растет черный лотос. Слышал о таком?

Какой же пират не слышал об этом растении! Иные купцы, перевозя контрабандой несколько небольших шкатулочек этого порошка, получали двухсоткратную прибыль!

— Будь все оно проклято! — в сердцах выругался Конан. — Мы тут скорее Нергала найдем, чем воду! Пошли, чего стоите?

— Нергала?.. Может быть, и найдем, — таинственно отозвался Хаарл, хотя киммериец не понял смысл его слов.

— Адмирал Менкара? — раздался голос главы Черного Круга.

— Да, мой господин, — стигиец повторил привычное приветствие, встав на одно колено.

— Мне стало известно, что варвар и впрямь на Зархебе. Они плывут куда-то вглубь Черных Земель, но команда не знает, куда точно. Так что вам придется отправиться за ними. Держитесь на расстоянии. Пускай варвар сперва найдет то, что ищет.

— Да, мой господин, — лаконично ответил адмирал, и хрустальный шар на его столе погас.

Оставшись один, адмирал взял в руки флягу с вином, но так и не раскрыв, убрал назад.

Больше всего Менкаре хотелось бы уплыть отсюда прочь, но он не имел ни возможности, ни выбора. В отличие от других, он служил Тот Амону не из страха. Адмирал был человеком чести и всегда в точности исполнял приказы, даже если они ему не нравились. Конечно же, адмирал считал делом чести поймать варвара по имени Конан, более известного, как Амра Лев. Поймать того самого Амру, который столько лет разбойничал в прибрежных водах Стигии. Того Амру, который вместе со своей неистовой подругой потопил десятки стигийских кораблей. Однако идти на Зархебу адмирал считал излишним риском. Варвар не вернется оттуда. Впрочем, приказ отдан, и Менкара должен его исполнить.

Адмирал был уже не молод и не боялся смерти, но ему было жаль своих людей, впрочем, как и их семьи. У многих в Стигии остались жены и дети.

Менкара встал и посмотрел на свое отражение в серебряном зеркале. Несмотря на полные пятьдесят три года, он все еще оставался строен и подтянут. Его бронзовое тело бугрилось могучими мышцами, а глаза оставались ясными и спокойными, как в двадцать лет.

Это был один из тех редких людей, кого не сгибают невзгоды и обходит стороной время. Но теперь, похоже, удача отвернулась от Менкары.

Собравшись с силами, адмирал вышел на палубу и отдал первому помощнику необходимый приказ.

Выстроившись цепочкой, галеры медленно вошли в устье реки.

Впереди был долгий день.

Слепая бессильная злоба снедала Ягу. Он не сумел совладать с прощельгой-Хадагом и вынужден был купить у этого наглеца за огромные деньги ларец, найденный в Птейоне. Но самое печальное было в другом: шкатулка не желала открываться! Магических сил Верховного Жреца было для этого недостаточно, а ведь Яга планировал вернуть золото, потраченное на ларец, да еще и с немалой прибылью.

План жреца был до гениальности прост. Он хотел вскрыть ларец, забрать его содержимое, а затем продать все это Тот Амону — сперва ларец, затем содержимое. Только Яга и не предполагал, что точно такую же шутку уже сыграли с ним самим.

— Пошел вон, — взвизгнул жрец, наотмашь ударив стройного послушника, лежащего на кровати. Ярость, клокотавшая в жирном теле, не позволяла Яге насладиться прелестями юноши. Оттого Яга начинал яриться пуще прежнего.

Женоподобный послушник вскочил, держась рукой за покрасневшую щеку, и неловко задев столик, опрокинул его.

— Чтоб тебя разорвали Затх, Сет и Нергал, — в сердцах вскрикнул Яга, испугавшись за сохранность ларца, который лежал на столике.

— Ах ты, маленький уб... — жрец осекся. Ларец лежал на полу раскрытым.

— Выходит, один удар об пол решил все проблемы, — пробормотал Яга. Однако, вспомнив о находящимся в помещении мальчишке, он понял, что еще не все проблемы решены до конца. Нельзя позволить увидеть ему содержимое шкатулки.

— Нис, мой мальчик, ты не ушибся? Подойди ко мне.

Послушник, уже привыкший к резким перепадам настроения хозяина, жеманно надул губки и, сделав обиженный вид, ответил.

— Я уйду. И на этот раз навсегда.

— Не надо. Иди сюда, я тебя утешу. Подувшись еще какое-то время, послушник прыгнул на постель.

— Тебе больно? Ну, ничего, сейчас пройдет. Дай я тебя поглажу.

Мягкие, жирные ладони жреца стали ласкать его щеку, затем спустились чуть ниже и... И неожиданно сомкнулись ни тонкой шейке Ниса. Юноша попытался вырваться, но тяжелое тело жреца придавило его к кровати. Послушник продолжал хрипеть и дергаться, и Яга уже подумал, что он никогда не задушит капризного гаденьша, но вот, наконец, тот дернулся в последний раз и затих. На этот раз уже навсегда.

Верховный Жрец тут же вскочил на ноги и бросился к ларцу.

Тот, разумеется, оказался пуст.

— Не может быть? — взвыл Яга. Упав на колени, он принялся шарить под кроватью, но страшное подозрение уже закралось в его сердце. Ларец открывали до него. Покраснев от натуги и с трудом поднявшись, Яга сплюнул:

— Ублюдок! Свинья и отродье свиньи! Тварь! — все эти словеса, конечно же, относились к Хадагу. Только он один мог вскрыть и выпотрошить ларец. То-то он так улыбался, получая за него десять тысяч золотых!

Надо немедленно что-то предпринимать! Какое унижение — снова обращаться за помощью к этому мерзавцу Хадагу! Впрочем, ничего другого не остается...

Накинув на себя простыню, Верховный Жрец Йезуда бросился к оку Затха.

...Фивор в очередной раз расхохотался и от души хлопнул зембабвийца по спине. Не будь Забул так крепок и мускулист, могучий кофиец просто сломал бы ему хребет.

— Признавайся, Забул, — продолжил свою речь высокий рыжеволосый атлет. — Колдовал ты, или нет? В конце концов, тебе удалось справиться с этим ящиком за жалкий квадранс, а Яга до сих пор с ним возится! Две седмицы открыть не может!

Зембабвиец плутовато улыбнулся.

— Поверили теперь, что я не врал? Мой дед был великим шаманом племени Ндар-Дарн. А я унаследовал его способности.

И Забул угостил наемников очередной байкой о своем легендарном деде. Все эти истории вызывали новые приступы смеха у кофийца. Зембабвиец не обижался — теперь он стал третьим человеком в отряде, чем очень гордился. Втайне от остальных он стал скупать магические фолианты и учиться на рынках у шаманов и фокусников, прекрасно понимая, что теперь Забул — волшебник, от которого все ждали чудес. К огромному счастью Забула, он научился некоторым простеньким заклятьям — дед Забула и впрямь был шаманом, только очень посредственным.

— Ладно, я очень надеюсь, что жрец откроет ларец раньше, чем мы постареем, — произнес Хадаг.

— Думаю, что золотишко нам и в старости не помешает, — ответил Забул, и новый взрыв хохота сотряс помещение общего зала таверны, которую шайка наемников сняла только для себя, выгнав остальных постояльцев. Хозяин был не против — люди заморийца не скупились. Большую часть заработанных денег, полученных от стигийцев, наемники давно уже прокутили, и вот тогда объявился Яга, предложив выкупить шкатулку. Однако и это золото постепенно иссякало...

Много позже, уже за полночь, Хадаг заметил, что хрустальный шар, стоящий на столе, ярко светится. Сев на измятой постели, Хадаг потянулся и зевнул. Видимо Яга наконец-то вскрыл ларец. Хадаг решил отложить разговор на утро.

— Пускай помучается, — решил он.

Шар не гас всю ночь, и только утром Хадаг соизволил ответить жрецу. Прекрасно зная, как неприятен Яге вид обнаженных женщин, он поставил шар так, чтобы тому была видна постель, и лишь после этого произнес ответное заклинание.

— О! — воскликнул замориец. — Кто это к нам пожаловал? Сам Яга Ужасный и Грозный, собственной персоной. А мы, простые смертные, и не ждали такой чести!

Услышав такое обращение, жрец поморщился, но быстро взял себя в руки.

— Привет, Хадаг. Как поживаешь?

— Великолепно! — воскликнул замориец и хлопнул одну из девиц по голому заду. — Вот, развлекаюсь на твои денежки. Хотя нет, совсем забыл, теперь эти деньги мои...

— Вот и замечательно, — с готовностью кивнул Яга. — Развлекайся на здоровье. Однако не мог бы ты мне помочь в одном деле?

— Не мог бы. Теперь пусть тебе Заураб помогает, — отрезал Хадаг и оборвал связь, прочтя еще одно заклинание. Замориец, безусловно, знал, что туранца уже нет в живых, но ему хотелось помучить жирного жреца и отыгаться за все прежние оскорбления. Пусть Яга сидит и читает свои заклинания, вызывая его вновь и вновь.

Лишь через три дня командир наемников все же соизволил выслушать Верховного Жреца.

— Ну, что тебе еще надо? — нарочито грубо спросил Халат.

— Это снова я, — выдавил из себя Яга.

— Вижу, жирный червь. Чего хочешь?

— Хадаг, может, ты вернешься назад, а то Заураб совсем не справляется с делами?

— Ну-ка, зови его сюда. Спросим вместе — почему?

Жрец замялся. Туранца давно посадили на кол...

— Он сейчас в отъезде, вот я и решил обратиться к тебе...

— Да, так ты присылай Заураба ко мне, за советом.

— Серьезно? — с надеждой спросил Яга. — А где ты сейчас находишься?

Но замориец не был глупцом. Он прекрасно знал, что жрец сможет прислать к нему парочку ядовитых пауков и отомстить.

— Плыву в Асгалун. Или может быть, меня должны были перехватить стигийцы?

Жрец сделал невинный вид и пожал плечами:

— Стигийцы? Какие стигийцы?

— Те, которых ты на меня натравил. Я ведь разговаривал с самим Тот Амоном...

«Не может быть, — подумал жрец Затха. — Впрочем, этот проходимец мог пойти на любую подлость! Если содержимое шкатулки попало в руки Тот Амона, я пропал!»

— Послушай Хадаг, — заволновался Яга. — Ты же не собираешься связываться с южанами?

Все они хитры и лживы, как змеи.

— Неужели? — в изумлении воскликнул воин. — Кому же тогда я могу верить?

— Мне, — воскликнул Яга, не понимая, что над ним издеваются.

— Хвала Митре, хоть один честный человек в мире нашелся!

— Ну, так как насчет моего предложения? — переспросил жрец.

— Какого именно?

— Хочешь вернуться ко мне на службу?

— Можешь засунуть такое предложение в свой жирный зад!

Верховный Жрец опешил. Он-то думал, что дело вот-вот уладится, и он сумеет обмануть Хадага. Но только сейчас Яга понял, что замориец все это время смеялся над ним.

— Мерзавец! Да как ты смеешь? Да я тебя...

— Что — «ты меня»? — плотоядно улыбнувшись, уточнил Хадаг. — Накажешь? Ой, как страшно! Сейчас пойду штаны менять, а то обмочился от ужаса!

— Чего ты хочешь? — не выдержав, спросил Яга.

— Я? — сделал изумленное лицо Хадаг. — Разве это я тебя разыскиваю? Нет, дорогой мой. Это ты от меня чего-то хочешь. Вот из этого постулата теперь и будем исходить. Итак, рассказывай.

Понимая, что другого выхода нет, жрец сказал:

— Я открыл ларец...

— Неужели? — всплеснул руками воин, прерывая Ягу. — Удивительное чудо! Наверное, много сил приложил?

Вытерпев и это оскорбление, жрец продолжил.

— Ларец оказался пуст.

— Я удивлен, Яга... Ты отдал мне столько золота за пустую коробку? Чудеса, да и только. Хочешь, я тебе еще несколько шкатулок продам, раз ты такой ценитель старины?

— Меня обманули, — не выдержав, завизжал жрец.

— Кто? Кто осмелился оскорбить Верховного Жреца? Кто покусился на повелителя Хайбории? Подать его сюда, немедленно! Я лично с ним разберусь!

Хадаг, совсем потерявший меру, разошелся не на шутку.

— Неужто Заураб? Казнить наглеца. Это же надо, так пошутить над величайшим...

— Отдай мне это, — закричал Яга. — Отдай, я тебе заплачу.

— Конечно, заплатишь. Кто бы сомневался. Вопрос ведь не в этом.

— А в чем?

— С кем мне иметь дело? С тобой, или Тот Амоном? Я обдумаю этот вопрос на досуге, но помни — у стигийцев много золота. Очень много!

И шар погас.

* * *

— Значит, мы остались без пресной воды? — протянул Риальдо. — Может, нам все-таки повезет в поисках?

Киммериец, знавший по своему опыту, что на везение не стоит рассчитывать, лишь покачал головой, ответил:

— Надеяться на удачу — копать себе могилу. Тут нужен трезвый расчет. Воды у нас в обрез. Так что поднимаемся по реке еще два дня, а потом поворачиваем.

— Ну, а как же сокровища? Неужто мы их бросим?

— Отыщем другие. Мало ли по океану ходит купеческих посудин? А вот помирать раньше времени не хотелось бы.

Словно решив посмеяться над словами киммерийца, судьба преподнесла ему подарок. Ровно через два дня, когда Конан собрался уже было отдать приказ на возвращение к морю, Хаарл заметил крохотный ручеек, вытекающий из расщелины в скале.

— Капитан, а откуда здесь скалы? — поинтересовался Мардо.

— В Черных Королевствах и не такое встретишь, — пояснил киммериец. — Бывает так, что идешь сквозь джунгли, и неожиданно видишь перед собой пустыню. И нет ей ни конца, ни края. Так-то.

Вдаваться в подробности он не стал. Сейчас Конана больше волновало, сможет ли он распознать в воде яд, или нет? Зачерпнув полную пригоршню, он прополоскал рот, а затем выплюнул все без остатка, прислушавшись к своим ощущениям. Странно, но ручей был не отравлен. Скорее даже — наоборот. На вкус вода была чистой и сладковатой.

— Хм, любопытно, — буркнул варвар. — Откуда здесь взялся ручей? Впрочем, какая разница? Пейте!..

— Просто чудо, что гипербореец заметил этот ручеек, — воскликнул Мардо.

«Только слишком странное чудо, случившееся как нельзя вовремя», — подумал северянин. Эту тоненькую струйку живительной влаги с палубы корабля мог заметить лишь тот, кто знал, куда нужно смотреть. Что-то во всем этом плавании было неправильно. Вот только Конан, никак не мог понять, что же именно.

Утро следующего дня началось с происшествия. В каюту капитана ворвался Барук и отчеканил:

— Капитан, на реке появилось обратное течение.

Это было что-то новое. До сих пор они шли против течения, хоть и не быстрого, но теперь корабль несло вперед.

— Может водопад? — предположил Риальдо, едва Конан появился на палубе.

— Не думаю, тогда бы мы его слышали. Матрос, стоящий в вороньем гнезде, закричал.

— Поворот, прямо по курсу.

— Лучше не рисковать, — подумал киммериец и отдал команду. — Править к берегу, олухи. Спустить якорь!

Когда «Тигрица» пристала к правому берегу, киммериец перебросил через борт доску, служившую трапом, и соскочил на землю.

За ним последовали: Риальдо с Добряком, а также аквилонец. Его смелость несказанно удивила варвара, так как Александриас прежде не проявлял интереса к вылазкам на берег.

Сейчас все внимание Конана было приковано к Зархебе. Река, сильно сузившись, делала резкий поворот вправо, где снова расширялась. Но отнюдь не это заставило пиратов раскрыть рты от изумления.

В самой середине реки бешено вращался огромный водоворот. При этом он поглощал черную воду, а спустя некоторое время появлялся фонтан, который почему-то выбрасывал воду буро-зеленого цвета.

— Ведомо ли такое чудо! — изумился Риальдо. — А я и не знал, что на реках встречаются водовороты.

— Эта река колдовская, Кром ее иссуши. Вот и полно на ней всякой дряни!

— Что делать будем? — спросил аквилонец.

— Придется обойти воронку вплотную к берегу. На веслах, — последовал ответ.

Весть о странном явлении, обнаруженном дальше по курсу, мигом облетела галеру.

— Зато теперь мы знаем, что находимся на правильном пути, — заявил Риальдо, рассматривая скипетр.

— Это ты о чем?

— Да вот, на карте знак похожий.

Теперь все стало на свои места, и Конан отбросил последние сомнения.

— Ответ на все вопросы — в карте! Пират непонимающе уставился на капитана.

— Помнишь, я рассказывал тебе о городе, где погибла Белит? Так вот, треугольник обозначал пирамиду, два круга — глаза. Правильно?

— Ну и что из этого? К чему ты ведешь?

— Один круг мы видели. Это воронка... а где же второй?

— Очевидно, под водой, — предположил пират.

— На карте все указано! Только мы сразу этого не поняли.

— Да что такого тут указано? — никак не мог понять Риальдо.

— Цвет! Живые твари изображены красными рисунками.

— Хочешь сказать, что в воронке кто-то может жить? Да ни за что не поверю!

— Петля Небеки!

— Чушь, обычная морская сказка.

— Я лично однажды видел эту сказку. Гнуснейшая тварь...

— И что же мы будем делать? — пират верил капитану, а потому заволновался.

— Расскажем парням, дабы они были готовы. А потом будем прорываться.

Команда встретила новость абсолютно спокойно. Встречать опасность, стоя на качающейся морской палубе, им было не впервой.

— Надо плыть дальше, — неслись отовсюду голоса. Пираты дружно сошлись на том, что если капитан знает обо всех опасностях отравленной реки, то он уже бывал здесь. А значит, они и впрямь плывут за сокровищами! Переубедить своих матросов Конан не мог, да и не пытался. Если все их мысли будут о золоте, то в сердцах корсаров не останется места для страха.

К Конану внезапно подошел гипербореец.

— А куда нам, собственно спешить? — спросил Хаарл.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Останемся здесь жить? — встрял Мардо, и команда захохотала, оценив шутку товарища.

— Я просто считаю, — спокойно продолжил Хаарл, — что не стоит рисковать людьми, надеясь проскочить водоворот на корабле. А вдруг там и вправду живет некое чудовище? Может быть, сначала нам следует убить монстра?

— Арбалеты здесь не помогут. Тварь наверняка очень большая.

— Верно, но разве я упомянул арбалеты? Очевидно ты, Конан, забыл, откуда я родом?

— Нет не забыл, — ответил киммериец. Хаарл продолжил:

— Моя родина — это суровый и беспощадный край. Давным-давно гиперборейцы отказались от кочевого образа жизни и стали возводить каменные постройки, отличавшиеся огромной высотой и мощью. Могучие цитадели, разбросанные по ледяным пустошам, не единожды прошли проверку на прочность. Они выдержали напор гирканской конницы, которая не имеет себе равных. Точно так же наши крепости не смогли взять объединенные рати Нордхейма вкупе с ордами киммерийцев.

Видя, что Конан сурово свел брови при упоминании о своих родичах, потерпевших когда-то поражение, Хаарл перешел к делу:

— Знаете, почему гиперборейские крепости невозможно взять? Их нельзя долго осаждать!

— А почему? — встрял вездесущий Мардо.

— Из-за нехватки провианта, — пояснил северянин. — Но суть в другом. Мы разрушаем крепости наших врагов с помощью баллист и катапульта.

— Ты хочешь построить баллисту? — заинтересовался Конан, видевший эти грозные орудия, действительно наносившие страшный урон противнику.

— Почти... На постройку настоящих боевых баллист или катапульта у нас просто не хватит сил и времени, а вот некое их подобие создать можно.

— Согласен, — тут же решил Конан. — Команда — на берег!

Остаток дня ушел на строительство. Хаарл довольно быстро разъяснил морякам принцип изготовления оружия, и те, не понаслышке знакомые с плотницким делом, взялись за работу.

Пираты сгибали тонкие стволы деревьев, а затем, закрепив их толстыми лианами, клали на ветви массивный камень, который и служил метательным снарядом. С баллистами оказалось несколько сложнее. Для них требовались деревья, с растущими на одном уровне боковыми ветвями, меж которыми, крепились поперечные балки, на которые набрасывались крепкие тугие лианы, служившие тетивой. В качестве стрел использовали длинные заостренные колья.

— Кажется, мы подготовились к сражению, — вздохнул уставший гипербореец. — Этого более чем достаточно...

Хаарл был прав. Четыре тугих баллисты и семь катапульта смогут уничтожить любое существо из плоти и крови.

— Всем спать, — распорядился киммериец, выставив вахтенных. — С рассветом выступаем.

— Капитан, а кто завтра отправится на берег? — раздался вопрос.

— Само собой, Хаарл. Он-то и отберет себе помощников.

— Стоило бы, конечно, пристрелять орудия, — задумчиво протянул гипербореец. — Но вдруг мы разбудим обитающую в реке тварь?

— Если конечно она вообще существует, — ответил ему Конан.

— Существует, уж поверь, — убежденно сказал Хаарл и пошел спать. К задумавшемуся Конану подошел Риальдо.

— Что тебя мучает, друг мой? — тихонько, так чтобы никто не услышал, спросил кормчий.

— Никак не возьму в толк, про какие такие войны нам говорил Хаарл. В Гиперборее уже

более пятисот лет не разрушали ни одной крепости. Я очень внимательно слушал легенды и истории северного края, находясь в гиперборейском плену.

— Тебе тоже показалось, будто он не рассказывал эти истории, а вспоминал их? — удивился шкипер. — Я было уж подумал, что это очередная солдатская брехня, но Хаарл очень не похож на человека, который станет врать.

Киммериец был полностью согласен со старым пиратом. Хаарл не из тех, кто станет без толку трепать языком, слишком многое он повидал в своей жизни. А вот это и смущало Конана в первую очередь.

Едва лучи солнца пробились сквозь густые кроны деревьев, все матросы уже были на своих местах. Хаарл отобрал двенадцать человек, которые должны были выстрелить в нужный момент, по его команде. А если потребуется, то и перезарядить импровизированные катапульты.

Широко расставив ноги, у штурвала стоял Барук. Случись что, он сможет в одиночку удержать штурвальное колесо, пока остальные будут стрелять в возможного противника из арбалетов. Конан, держа меч в одной руке и легкую морскую секиру в другой, стоял на мостике. Легкой добычей «Тигрица» не будет.

Возле самого изгиба реки корабль подхватило течение и понесло вперед.

— Да поможет нам Митра, — тихонько прошептал Риальдо, в тяжелый момент вспомнивший о светлом боге. Киммериец сжал рукоять доброго меча, не раз выручавшего его в самых безнадежных ситуациях.

Стоило «Тигрице» проскочить поворот, как галеру тут же стало сносить течением, грозя затянуть в воронку. Гребцы налегли на весла, удерживая корабль как можно ближе к берегу, а Конан громогласно приказал Баруку:

— Правее, правее! Разорви тебя Сет!

Но Барука понукать не стоило. Он и так налег всем телом на колесо и, краснея от натуги, смог выровнять «Тигрицу», удержав ее на расстоянии от губительного водоворота.

Стоило пиратам успокоиться, подумав, что самое худшее позади, как вода забурлила, и из воронки появилось *Нечто*.

Над водой поднялась голова левиафана, на которой выделялась непропорционально огромная пасть и маленький глаз песчаного цвета. Вслед за головой появилось длинное туловище. Пасть чудовища, способная проглотить всю галеру целиком, раскрылась, и в этот же миг в нее влетел огромный камень, выпущенный из катапульты. Левиафан попытался отплыть в сторону, однако общий залп с берега обрушил на чудовище град камней и стрел.

Одно из толстых копий пронзило небо и навеки застряло во рту монстра, а несколько крупных камней ударили в голову. Спустя мгновение, кол воткнулся в единственное око левиафана и ослепил его.

Дико заревев от боли, чудовище скрылось под водой. Большая волна подхватила галеру и понесла вперед...

* * *

Тот Амон наслаждался, рассматривая паутину натянутую между деревьев. Связавшийся с ним этим утром Менкара, сообщил, что шлюп с дюжиной солдат бесследно исчез, равно как и второй, посланный на его поиски. Тогда за дело взялся сам адмирал, который и обнаружил поляну с паутиной.

Конечно, Тот Амон знал, что никакая это не паутина, а живое существо... Впрочем, это было не важно. Главное, что подобные создания стали теперь редкостью, и никто из ныне живущих магов Черного Круга не мог похвастаться таким приобретением.

Терять столь ценный экспонат было бы глупо, но и упускать варвара магу не хотелось.

— Адмирал, — позвал своего слугу колдун. — Продолжайте преследование, но если найдете нечто необычное, то обязательно свяжитесь со мной.

— Да, мой господин.

Тот Амон, откинувшись на спинку трона, погрузился в раздумья.

Пожалуй, вся эта затея со слезкой за киммерийцем, уже оправдала себя. Потоплен флот стигийских мятежников, а также подрезаны крыльшки барахским корсарам. Добыча, присланная Менкарой на одной из галер, уже окупила все расходы на экспедицию. Теперь удалось добыть живую Сеть... Дела идут — лучше некуда!

На следующий день настроение жреца стало еще лучше. Стоило ему увидеть озеро Черного Лотоса, найденное адмиралом, как планы стигийца переменялись.

— Адмирал, вы превзошли самого себя! Отрядите две... нет, три галеры на сборы лотоса!

— Как прикажете, повелитель. Однако... — стигиец на мгновение замялся.

— Продолжайте, адмирал.

— Я просто подумал, что опасно оставлять такое количество лотоса без надежного присмотра. Деньги могут толкнуть людей на предательство.

Тот Амон задумался. Содержимого галер вполне хватит на то, чтобы купить целое королевство. Риск был слишком велик, и колдун решил перестраховаться.

— Адмирал, пожалуй, я возложу эту миссию на вас. Подберите себе замену, а сами отправляйтесь за лотосом.

Когда магический шар погас, Тот Амон остался доволен. Колдун, считая Менкару надежным человеком, знал, что тот доставит эти несметные сокровища в условленное место.

А адмирал посчитал, что его служба у Тот Амона закончена.

Даже самые надежные люди имеют свою цену. Тем более, если они всю жизнь живут под страхом смерти.

* * *

Стапх — молодой офицер, только недавно получивший под свое командование галеру, не был так умен, как адмирал Менкара. А потому он искренне радовался своему новому назначению. Теперь он был главой эскадры, а это значит, что скоро именно его будут встречать в Кеми как героя, поймавшего проклятого пирата по прозвищу Амра.

Старый, вечно перестраховывающийся адмирал утомлял офицера постоянными остановками и разведками. Едва Менкара отправился за лотосом, как Стапх поднял якоря и устремился в погоню.

Именно эта поспешность и привела к трагедии. Не удосужившись выяснить, что же находится за неожиданно появившимся изгибом реки, он продолжал вести эскадру по руслу Зархебы. Первая же галера, выскочившая из-за поворота, угодила в водоворот, где ее быстро затянуло под воду. Вдобавок, из глубины водоворота появился некий невообразимый монстр, который тут же разметал корабль в щепки. Речной гигант начал охотиться на тонувших стигийцев.

Возможно, оплошность Стапха могла бы обойтись ему намного дороже, но в этот момент, крупный обломок мачты вонзился в червеобразное тело монстра. Чудище, почувствовав боль, развернулось и вцепилось клыками в мачту. Стрела из баллисты, лишившая тварь зрения, сыграла с ней злую шутку. Огромная пасть, схватившая обломок мачты, вцепилась в тело левиафана, мгновением позже перекусив его. Зеленая кровь струей взметнулась в воздух, и монстр навсегда скрылся под черными водами Зархебы. Самое удивительное было в том, что вместе с чудовищем пропала и воронка.

* * *

— Тупица, — холодно произнес Тот Амон. — Ты должен был предусмотреть все. Понимаешь ты это, или нет?

Стапху было нечего ответить, а потому он благоразумно молчал.

— За следующий корабль — ответишь головой, — по-змеиному зашипел жрец и погасил магический шар.

Конечно же, этот человек был не виновен. Где уж ему тягаться с Древними, оставившими на реке свои ловушки! Но все же Тот Амон был крайне недоволен неожиданной неудачей, а потому должен был выместить на ком-то свою злобу.

Хотя трезвый расчет говорил о том, что экспедицию уже можно считать удачной. Еще никто (а таких попыток было немало), не забирался так далеко вверх по течению Зархебы. Несколько десятилетий назад посланная Тот Амоном галера была найдена в устье реки брошенной. Что случилось тогда с экипажем, не знал никто. Теперь, Зархеба приоткрывала завесу над своими тайнами.

— Интересно, — подумал колдун. — А миновал ли эту тварь, Конан? Будет прекрасно, если река станет для варвара могилой... Просто великолепно!

Несколько спокойных дней пути... и вот уже экипаж «Тигрицы» ожидала новая неожиданность. Зархеба разлилась столь широко, что стала походить на озеро. Яркое солнце, стоящее в зените, слепило глаза, отражаясь от черной, как оникс, поверхности воды. На волнах плавали пурпурные лилии невиданных размеров. Столь мирный и красивый пейзаж очаровал всех находящихся на судне.

— Капитан, — произнес Мардо. — Что бы это могло быть?

Конан смачно сплюнул за борт:

— Небось, очередная дрянь, которую стоило бы выжечь благословенным огнем Митры!

Уже в который раз киммериец пожалел, что утратил божественный дар повелевать молниями. Вся эта река, а также ее окрестности, стоили того, чтобы уничтожить их — раз и навсегда.

— Конан, в чем дело? — удивленно спросил Риальдо. — Место тихое, не опасное.

— Слишком тихое, — неохотно буркнул варвар. — Да и кувшинки эти странные... Мне уже доводилось встречать в своих странствиях одурманивающие цветы.

— А мне кажется...

— Хватит болтать, — прикрикнул на него варвар. — Все на весла. Ну, взялись.

Заскрипели уключины, заиграли могучие мускулы на загорелых торсах гребцов. И «Тигрица», стремительно набирая скорость, помчалась вперед.

* * *

...Ледяной ветер с силой бил Конану в лицо, но он, проваливаясь в снег по пояс, продолжал бежать к становищу. Неожиданно, его нога провалилась в яму, из которой, варвар никак не мог выбраться. Разгребать снег не имело смысла, так что Конан, просто бросился вперед, надеясь вырваться из ловушки. Дикая боль пронзила все тело, но освободиться ему так и не удалось. Киммериец поднял глаза и увидел, как ливень стрел скашивает жалкую горстку защитников деревни, противостоящих многочисленным врагам. Родные киммерийца падали замертво, а рыжебородые ваниры продолжали хохотать, не рискуя, однако сойтись в рукопашной. Конан не оставлял попыток выдернуть ногу из ледяного плена, однако все они были тщетными. Стопа не сдвинулась ни на йоту. А невдалеке, глумливо усмехаясь, стоял высоченный воин в меховой накидке из горносталя. Это именно он привел ваниров, желая унижить и уничтожить непокорных киммерийцев, мешающих его планам. Конан узнал его. Это был Атли...

Полыхают молнии, покрыв сияющей сетью вмиг почерневшие небеса. Накренившаяся «Тигрица» пытается уйти от флотилии кораблей с резными драконами на носсах. Шансов уже нет... Конан, продолжая удерживать штурвал, обнял, одной рукой Белит. Злой ветер лишь разносил огонь по галере киммерийца. Очередная молния, ярко сверкнувшая в небе, осветила нос первого дракара, на котором, широко расставив ноги, стоял Атли. Могучий ванир, продолжал все так же глумливо усмеяться. То, что исход сражения предрешен, не вызывало сомнений. От чувства бессилия Конан заскрипел зубами. Неожиданно лицо Атли искажает гримаса ненависти, и он превратился в злобную тварь с алыми глазами...

Солнце начало заходить, небо прорезали темные тени коршунов, наблюдающих за добычей. Наконец один из них решился и спикировал вниз, разорвав при этом щеку киммерийца. Тот лишь зло рыкнул и вцепился зубами птице в горло. Коршун отчаянно забил крыльями, но вырваться не смог. Вскоре клекот перешел в хрип, и птица замертво рухнула вниз, к подножью креста, возле которого стояли две женщины — проклятая ведьма Саломея и коленопреклоненная Тарамис, законная наследница Хаурана. Конан, попытался разглядеть надменного шемита Констанциуса. Но вместо него вновь увидел Атли. А за его спиной, вместо бесконечных песков, кружилась вьюга, которая вскоре должна была объять весь мир. Припорошенные снегом брови ванира были сурово сведены, однако он продолжал улыбаться. Но в этой улыбке, не было ни капли тепла...

Приморская крепость пылала, а на ее стенах шел бой. Сотни ванирских дракаров, вперемешку с туранскими кораблями, наконец-то атаковали оплот Красного братства, возглавленный Конаном. Тысячи воинов высаживались на берег, грозя мгновенно смять обессиленных защитников. Конан рубил направо и налево, но его просто задавили числом. Гора мертвых и живых тел не позволила больше действовать мечом. На ногах и руках киммерийца защелкнулись стальные браслеты. Когда Конан поднял заплывшие глаза, то увидел Атли. Восседающего на его троне...

* * *

Видения и образы замелькали одно быстрее другого, и у киммерийца от их обилия закружилась голова.

Бескрайние пустыни сменяли отвесные горные пики; южные джунгли и северные чащобы, — морские просторы. Но везде, где бы он ни оказался, Конан терпел поражение от одного и того же человека. Атли, Атли, Атли. Везде и всюду вздымалась его огромная секира...

Рыжая борода куда-то исчезла, а вместо нее виднелась седина. Голову ванира украшала массивная золотая корона, инкрустированная алмазами, а сам он, по-хозяйски окинув взглядом покои, на которых лежала печать варварской роскоши, поудобней устроился на троне. Но это был уже не трон Красного братства. Это был трон всей Хайбории.

— Ну что, киммерийский щенок, — гигант наконец-то заговорил, посмотрев в глаза Конана. — Теперь убедился, что это я Властелин Мира? Я, а не ты.

Конан, осознал себя дряхлым стариком, валяющимся в цепях у ног господина.

Когда он был готов завывать от отчаянья, в его голове раздался громогласный голос, от которого содрогаются горы.

— Встань, сын мой, встань и прими смерть так, как подобает воину!

Не в силах противиться приказу Крома, старец стал медленно подниматься с колен. И вот, с каждым движением, новые силы вливались в дряхлое тело. Нет... Уже не дряхлое. Перед троном стоял стройный, пятнадцатилетний волчонок. И теперь уже Атли оказался древним стариком. Тяжелая секира, выпав из обессиленной руки, полетела на пол, но Конан, с легкостью поймал ее.

— Не бывать этому! Никогда!

Тело наполнялось огненной силой...

...Конан раскрыл глаза.

Никакого Атли не было, и быть не могло. А как же иначе? Ведь кости его давным-давно развеяны с пеплом Венариума, а на могилах пришельцев играют киммерийские дети.

Расслабившись, варвар огляделся.

Слегка покачиваясь, галера шла по центру озера. Но вот за бортом творилось нечто невообразимое. Гигантские пурпурные кувшинки окружили «Тигрицу» и что-то яростно пожирали. А пожирали они матросов «Тигрицы», которые по собственной воле прыгали за борт.

— Кром! Да что же это такое? — в изумлении буркнул варвар. А затем закричал что есть мочи:

— А ну-ка, псы морей, быстро на весла! Многие тут же раскрыли глаза и стали трясти головами, сбрасывая с себя оцепенение. Все стало понятно: моряки и впрямь попали под воздействие колдовских цветов, но магией обладал не их запах, а заунывный протяжный звук, исходящий от кувшинок. Пение было почти неслышным, но оно было. Вот почему никто не обратил на него никакого внимания.

Мгновенно сообразив, что надо делать, Конан запел залихватскую морскую песню, изобилующую непристойностями.

— А ну, подхватывай, акулья сыть!

Но приказ был уже не нужен. Дружно налегая на весла, пираты, кто как мог, вторили капитану. Дружный хор полностью заглушил «песнь» цветов. Вскоре «Тигрица» вышла из поля кувшинок и заскользила по волнам.

Конан осведомился о потерях.

— Не хватает одиннадцати матросов, — отчеканил Риальдо, устроивший переключку.

— Будь проклята эта мерзкая река, — выругался Конан, хмуро глядя за борт. Но делать было нечего, и он отдал приказ плыть дальше.

Конан задумался. Почему сегодня, спустя столько лет, он вспомнил Атли? Может, потому что это был его первый настоящий враг? Или проявилась застарелая ненависть к Венариуму, вызванная присутствием аквилонца, на борту «Тигрицы»?

Как бы то ни было, прошлое уже давно поросло мхом, так стоит ли ломать над ним голову? Конечно же, нет, решил Конан и махнул рукой.

— Забудем, — тихо пробормотал варвар. — Атли был настоящим воином, и теперь наверняка пирует в чертогах Имира. Когда-нибудь мы обязательно встретимся в бою.

Кром! Это должно быть забавно, мертвые киммерийцы против мертвых рыжебородых. Тот славное посмертие будет! Вечные пиры, и вечная вражда.

Размышления киммерийца прервал крик одного из матросов, который скакал на одной ноге, держась за другую.

— Что теперь случилось, Хануман вас раздери? — раздраженно спросил Конан. Странно, но мысли об Атли и своей собственной смерти вызвали у варвара прилив хорошего настроения.

— Капитан, его укусила змея, — ответил за товарища Мардо. — Вот эта, — и он ткнул саблей в перерубленную пополам гадину.

— Сетово отродье, — пробурчал Конан. Киммериец мгновенно распознал, что тварь ядовита.

— Карус, — киммериец позвал кока, одновременно исполнявшего обязанности корабельного лекаря. — Осмотри его.

Но не успел варвар договорить, как «Тигрицу» атаквали полчища гадов. Сотни гибких извивающихся змей вползли на палубу, а пираты стали рубить и топтать гадин, на что те ответили укусами.

Справа по борту вода вспенилась, и над галерой нависло тело гигантской анаконды, толщиной с туловище человека. Конан попытался было дотянуться до змеи мечом, но та, ловко увернувшись, атаквала человека. В этот момент Хаарл оттолкнул варвара. Чудище, способное проглотить человека целиком, промахнулось, однако случилось непредвиденное — анаконда успела откусить Хаарлу кисть руки. Хаарл не издал ни звука, подхватил палаш левой рукой, и с силой погрузил его в сверкающий глаз рептилии. Змея забилась в конвульсиях, ломая при этом весла и калеча гребцов.

— Кром, — не выдержав порыва ярости, зарычал Конан и, вложив в удар всю свою силу и злость, единым взмахом рассек туловище змеи. Анаконда рухнула в воду, подняв при этом фонтан брызг, окативший галеру.

— Вперед шакалы! Ну-ка, налегли на весла! — гаркнул киммериец, понимая, что если корабль сейчас не вырвется из западни, то экипаж «Тигрицы» ожидает гибель. Неожиданно отличился Александриас Аквилонец, пустивший в ход свою боевую цепь, острое навершие которой отсекало рептилиям головы.

Безостановочно ругаясь и пуская в ход мечи, пираты пытались подражать аквилонцу, но у них мало что получалось. Иной раз они даже попадали сгоряча, по своим товарищам. Положение спас Риальдо, который громко закричал:

— Хватайте палубные щетки и выметайте змей с палубы!

Благодаря разумному решению кормчего, все рептилии вскоре отправились в Зархебу. Не пострадавшие от укусов матросы сели на весла, остальными занялся Карус.

Укушенных оказалось семнадцать человек. Лечили их одинаково: дали выпить по кружке рома, а затем глубоко надрезали раны. Вместе с кровью должен был вытечь яд. После этого Карус прижег раны каленым железом.

— Лежите и не двигайтесь, — велел больным лекарь. — Может быть, тогда яд и не разойдется по телу.

Теперь Карусу предстояло заняться гиперборейцем. Удивительно, но Хаарл сумел в одиночку, без посторонней помощи, добраться до каюты, где и наложил сам себе жгут, остановив кровотечение.

Ничуть не сомневаясь в силе худого великана, Карус обратился за помощью к могучему Баруку. Дождавшись, когда северянин осушил залпом кувшин вина, Барук просто опустил на его голову пудовый кулак. Теперь Хаарл пролежит без сознания до утра, а то и дольше. Это скорее был акт милосердия, нежели жестокости. Ведь лечение в данной ситуации было только одно — залить культю кипящей смолой. В противном случае Хаарл умрет от потери крови, или подхватит какую-нибудь заразу, отчего сгниет заживо.

Карусу уже доводилось видеть, как жилистые и выносливые моряки с Барахасских островов продолжали бой, лишившись конечности. В горячке схватки боль притупляется. Но вот потом...

Медик разжег огонь и вылил смолу, предназначенную для шпаклевки днища, в железную чашу и вылил на обрубок кисти... Хаарл даже не застонал.

Холодные глаза мага с сомнением всматривались в черный ониксовый шар.

— Нет, я не знаю, что это такое, — наконец выдавил Тот Амон, не желавший сознаваться в своем неведении. Незнание ставило его на одну доску с остальными смертными. Великие колдуны должны знать все и обо всем. Но Верховный жрец Стигии не знал всего, хотя и стремился к этому.

На этот раз, Стапх поступил намного благоразумнее — едва галеры достигли озера алых кувшинок, он сразу же связался со своим господином...

— Так что мне делать, повелитель? — почтительно спросил Стапх.

— Плыть дальше. Только осторожно...

Колдун был уверен, что от цветов может исходить опасность. Растения, выросшие в ядовитой воде Зархебы, вызывали у Тот Амона, огромный интерес.

Магический шар поддерживал постоянную связь с кораблями Стапха. Долгое время ничего не происходило, однако вскоре Тот Амон, увидел нечто интересное. Глаза моряков стали стекленеть, затем они поочередно, а то и группами направились к борту. Конец был вполне предсказуем — цветы начали пожирать спрыгнувших в воду.

— Может быть, на них действует запах, наподобие аромата лотоса? — спросил сам себя колдун, но тут его осенило: людей завораживал звук, исходящий от кувшинок. Даже могучий разум Тот Амона, сразу не распознал странных звуков, вызванных колыханием гигантских лепестков. Для колдуна это была музыка. Для моряков — смерть!

Тот Амон понял: надо спасать эскадру!

— Используйте трубы Сета, — повелел маг нынешнему капитану эскадры. Тот отдал нужный приказ, и на палубе тут же появились громоздкие, изогнутые трубы, выполненные в виде змей. Протяжный рев заставил воду вспениться, отчего большая часть кувшинок полопалась.

— Достаточно, — недовольно рявкнул Тот Амон, у которого на эти растения уже появились свои виды. Магу не хотелось, чтобы все кувшинки погибли.

— Можете плыть дальше, — разрешил глава Черного Круга и, расслабившись, вернулся в свое тело, в оазисе Хаджар.

Благополучно миновав озеро, корабли эскадры выстроились в цепочку и вошли в сузившуюся реку. Ночью Зархеба преподнесла еще один неприятный сюрприз — корабли были атакованы сотнями ядовитых гадов. Не будь на галерах жрецов Сета, стигийцам пришлось бы нелегко. По счастью, знак Змея Вечной Ночи отпугнул тварей, и те убралась восвояси. Уверовав в свою неуязвимость, моряки расслабились — эскадру защищал сам Сет и его наместник в мире смертных, величайший и мудрейший Тот Амон!

* * *

Как Карус ни старался, но ночь пережили только четверо укушенных змеями матросов. Спасти остальных не удалось. Влажный и удушливый воздух оказался смертельным для тех, у кого оказались сломаны ребра (ночью у них пошла горлом кровь), да и кровопускание не спасло от укусов. Зато гипербореец, как ни странно, смог подняться и выйти на палубу. Еще через день Карус выгнал из лазарета и остальных. Кое-кто, конечно же, попытался отлежаться, но стоило появиться Баруку, как они тут же вернулись на палубу.

Утром впередсмотрящий заметил появившуюся на горизонте скалу, о чем и не замедлил

доложить капитану.

— Что изображено на карте? — спросил Риальдо киммерийца.

Конан указал на треугольник, расположенный по центру реки.

— Я думал, что этот значок обозначает пирамиду, — задумчиво процедил варвар. — Оказывается, я ошибся.

Кормчий на всякий случай отдал приказ готовиться к бою. Были заряжены арбалеты, смазаны маслом сабли и наточены секиры. Однако «Тигрица» приблизилась к титанической скале лишь через два дня, и только тогда стало ясно, что дальнейший путь лежит через расщелину.

— Кром, только этого не хватало, — в сердцах воскликнул киммериец. — Голову даю на отсечение, там нас ждет очередная пакость!

— Возвращаться назад бессмысленно, — покачал головой кормчий. — Мы прошли долгий путь, отступать будет позорно!

— Вперед! — согласился варвар. Делать все равно было нечего, а сидеть сложа руки Конан не привык.

— Вперед, — еще раз повторил он, но его уже никто не слышал. Пираты были заняты, каждый своим делом. Кто-то работал на веслах, кто-то держал наготове взведенные арбалеты.

«Тигрица» вошла в тень скалы, и тут же были зажжены десятки факелов. Сам киммериец встал на мостике с обнаженным мечом. К нему присоединился Барук, со своей чудовищной секирой, а чуть погодя и Хаарл. Несмотря на потерю руки, гипербореец все еще оставался крайне опасным человеком.

Густо чадящие факела разгоняли мрак вокруг судна... Лишь сейчас варвар смог оценить размеры скалы и трещину в ней. Река здесь была шириной в четверть мили, а свода туннеля увидеть не смог никто.

Конан, наверное, уже в сотый раз пожалел об утраченном даре Митры. Праведный огонь светлого бога оказался бы сейчас отличной подмогой. Небесная Секира, Рана Риорда тоже пригодилась бы...

Раздался короткий вскрик одного из моряков — Конану показалось, что его подхватила некая летучая тень.

— Что случилось? Что произошло? — неся отовсюду нестройный хор голосов.

— Налегли на весла, — рявкнул стоящий у штурвала Риальдо.

Полностью положившись на свой врожденный инстинкт, варвар ждал следующей атаки неизвестной твари. Лишь в последний момент он успел отпрыгнуть в сторону и нанести удар. Меч вонзился в толстую, длинную шею странной гадины, которая тут же попыталась отпрыгнуть, но одновременный удар Хаарла и Барука, сразил неведомого монстра. Но это было лишь начало — летучие чудовища продолжали нападать, унося моряков.

— Бросайте в них факелы! — крикнул появившейся на палубе немедиец. Вовремя увернувшись от очередной уродливой морды, Траск метнул вверх зажженную палку. Та исчезла в ненасытной глотке, тварь упала в реку, но остальные чудища ничему не научились на опыте своего собрата — атака не прекращалась. Лишь когда «Тигрица» покинула туннель, монстры отступили, собрав обильный кровавый урожай... Варвар обернулся. Позади него, опершись о планшир, стоял Траск. Похоже, немедийца здорово задело во время боя, но он все еще держался. Весело подмигнув киммерийцу, Траск улыбнулся и упал замертво. Только сейчас Конан заметил страшную рану у него в спине.

— Карус, Нергал тебя заberi! Ты где?! — варвар не без труда удерживал тяжелое тело немедийца.

— Здесь, здесь, — подбежал лекарь.

— Займись им, а потом осмотри остальных!

— Боюсь, — ответил кок, — что особо и нечем заниматься.

Впервые с тех пор, как они выбрались из расщелины, Конан смог оглядеться. Палуба галеры была сплошь залита кровью и усеяна человеческими телами. Конан машинально отступил на шаг назад и внезапно споткнулся о тело ранее не замеченного им Риальдо. Конан нагнулся над другом, но тут же отпрянул. Пират лежал лицом вниз, а из его спины торчал кинжал. Его, Конана, кинжал...

— Кр-р-ром, — утробно зарычал варвар. Не переносивший подлости киммериец готов был собственными руками разорвать убийцу. Но, к сожалению, тот воспользовался для своего черного дела суматохой боя...

— Надо бы убрать тело с палубы, — произнес Карус. — Лучше, чтобы парни этого не видели.

Конан удивленно посмотрел на лекаря, и тот пояснил.

— В противном случае они перебьют тех, кого заподозрят в убийстве. А именно — новобранцев.

Киммериец взглянул на окровавленного Траска. Конечно же, новенькие — вот кого во всем обвинят. Оглядев палубу, он заметил Александриаса. Тот сидел на скамье для гребцов, и весь вид щеголя говорил о его усталости от непривычно тяжелой работы — светлые волосы всклокочены, одежда взмокла. На скамье аквилонец сидел в одиночестве. Похоже, что его напарника сожрали во время боя. Или же нет? Может, красавчик избавился от ненужного свидетеля?

Джафара Конан увидел там, где и предполагал. Само собой, афгул не сидел на веслах, а участвовал в побоище. Он тоже вполне мог убить Риальдо.

Вот только почему убийца воспользовался ножом Конана? Желая отвести от себя подозрение? А может, он хотел натравить на Конана часть пиратов, являвшихся выходцами с Барахас? Таких на судне было много, и некоторые считали, что именно Риальдо должен был стать капитаном.

Как бы там ни было, теперь варвар знал, что на «Тигрице» у него есть враги.

К Конану подошел Барук и с угрюмым видом сообщил, что не хватает двадцати семи человек.

— Ядра Ханумана, — от неожиданности киммериец присвистнул. Из сотни, набранной в Зингаре, а затем и на Барахаских островах, в живых осталось менее четверти. Если и дальше так пойдет, то вскоре он растеряет всех своих людей. За самого себя варвар не волновался, ему доводилось выбираться из переделок и похлеще — чего, к примеру, стоило плавание за окончечность Ванахейма, или путь по Черным Королевствам, где он, Конан, оказался, втянут в интригу между двумя братьями, борющимися за власть в древнем городе...

Нет, за себя киммериец не боялся, но вот людей варвару бросать не хотелось. Это его люди, за которых Конан в ответе. Люди, которым он обещал богатство и власть, а дал лишь мучительную смерть и полную неопределенность в будущем...

— Ну что ж, — спокойно произнес Конан, обращаясь к Баруку. — Отныне тебе придется стать моим помощником. Боцманом же станет Добряк...

— Всех новичков — выкинуть за борт! Тогда и голову ломать не придется, кто же из них предатель, — в сотый раз предложил Добряк. Он не понимал, почему Конан не позволяет убить наемников из Шема. От этих проходимцев можно ждать чего угодно!

— Не «предатель», а «лазутчик», — поправил Добряка киммериец. — Только я не думаю, что его просто будет убить.

— Разрядить десяток арбалетов, и дело с концом! И нечего раздумывать! Никто из наших не пырнул бы кормчего ножом: Тем более в спину!

Конечно, Добряк был прав, но идти на такой решительный шаг Конан не желал.

— Нет, — еще раз возразил он. — У нас нет никаких доказательств.

— Вот они — доказательства, — Добряк ткнул пальцем в труп Риальдо. — Что еще нужно? Рассказать ребятам, и дело с концом. Они сами перережут изменников!

— А я вот думаю, — встрял Мардо, — что убил аквилонец. Хитрющий, как змей. Точно, это он!

— А я думаю, что если кто-то снова перебьет капитана, то он сейчас же получит в зубы, — ответил ему Добряк.

Конан позвал в свою каюту тех, кому он мог довериться полностью, и рассказал им о карте и об убитом в Шеме жреце. Добряк и Барук по-прежнему настаивали на том, что новобранцев надо убить или, в лучшем случае, высадить на берег. А дальше они сами о себе позаботятся, не маленькие.

— Довольно, — раздраженно рявкнул киммериец. — Я сказал — нет, значит, нет.

Спорить с капитаном никто не стал. Уж от кого можно было получить в зубы, так это от Конана.

— Я вот только не понимаю, — громынул Барук. — Зачем понадобилось убивать кормчего?

— Да вот зачем, — Мардо повертел в руках жезл. — Для того чтобы спокойно покопаться в карманах Риальдо. Или, может, ты предполагаешь, что этот стручок Александриас смог бы обыскать капитана?

От такой мысли всем стало смешно. Мардо продолжил:

— Послушайте меня. Некто... — он многозначительно помолчал, давая понять, кого он имеет в виду. — Некто пробрался в каюту. Поискал жезл, но так ничего и не нашел. Зато прихватил кинжал. То ли сразу недоброе задумал, то ли со зла. И тут-то, он увидел спину Риальдо. Дальнейшее, было понятно без слов.

— Согласен, такое вполне могло случиться, — наконец заговорил Карус. — Только для чего тогда новички спасали капитану жизнь? Один теперь при смерти, другой без руки.

В дверь постучали, и разговор мгновенно стих.

— Кто там? — нарочито громко спросил Конан.

Дверь отворилась, и внутрь заглянул Грасс-Безухий.

— Капитан. Река делится на две протоки. Какую нам выбрать?

— Я сейчас поднимусь. — Дождавшись, когда дверь за пиратом закроется, варвар вынул жезл, который был скрыт от постороннего взгляда в его кулаке.

— Гляди-ка, эта Сетова лужа и впрямь делится. Аккурат пополам расходится. Похоже, нам надо поворачивать в южную протоку.

— Почему в южную? — тут же спросил Мардо.

— С северной стороны нет никаких значков.

— Ну-у... — глубокомысленно протянул пират. — Ясно.

Внезапно Мардо осенила очередная идея:

— Капитан, я вот что подумал. За некоторыми членами экипажа стоит приглядывать, а для

этого нужны люди.

— И что ты предлагаешь?

— Может, стоит посвятить кое-кого из наших в секрет жезла и рассказать им о наших подозрениях?

— Кого, например?

— Допустим, Безухого.

— Какой от него толк?

— Будет толк, уж поверь. Из вороньего гнезда многое видно. Особенно, если смотреть вниз, а не вперед.

Идея была неплоха, а потому киммериец согласился. Действительно, сверху видно значительно больше, чем с палубы.

Тот Амон смотрел в магический шар. Воистину, Зархеба таила в себе целый кладезь невероятных чудес, которые Тот Амон собирался использовать в дальнейшем в своих целях. Но сейчас он заморожено следил за тем, как его воины один за другим погибают в скальной расселине, про которую он некогда читал в книге Скелоса. Там обитали Сциллы — древние, почти вымершие монстры.

Но вот наконец, последняя, шестая галера миновала горную расщелину, и Сциллы остались позади. Да, Древние обладали поистине неограниченными возможностями, раз смогли поставить на пути незваных гостей столь страшных охранников...

Впрочем, древние монстры колдуна интересовали мало. Тот Амон не знал, куда делся проклятый варвар. Наемники, пробравшиеся на его судно, молчали. То ли не могли уединиться, чтобы прочесть заклинания, то ли были мертвы.

Когда река разделилась на две протоки, Тот Амон приказал капитану отправить по три судна в каждую из них — гадать, куда поплыл киммериец, времени не было.

* * *

Яга со вздохом вытер пот со лба и жестом отпустил слугу. Дрожащими руками он распечатал донесение, хотя и так знал, что там написано. Его люди, посланные к Хадагу с десятью тысячами туранских золотых, пропали бесследно. Конечно, Яга ожидал подвоха от своего бывшего наемника, но это было слишком большой наглостью даже для Хадага. Верховный жрец Йезуда надеялся подстроить заморийцу ловушку, однако угодил в нее сам. Яга хотел выследить, а затем уничтожить отряд Хадага, однако тот не появился в назначенном месте. А после, когда караван с деньгами возвращался назад, на него неожиданно напали...

— Мерзавец, — прохрипел Яга, но делать было нечего, и жрец направился к оку Затха.

— Ого! — жизнерадостно воскликнул Хадаг. — Чем так недоволен наш любитель мальчиков?

— Что ты вытворяешь? — не выдержав, рявкнул Яга.

— Ну, ну, друг мой, спокойнее. Я всего-навсего перестраховался. Теперь половина денег у меня, половина — у тебя. Так нам будет легче вести торг.

— В чем ты меня смеешь подозревать? — возмущенно воскликнул жрец.

— Только в том, в чем и ты меня подозреваешь — что один из нас обманет другого. Или ты отдашь мне вторую половину денег? А уж после этого я передам тебе... *сокровище!* — Хадаг сделал жест, по его мнению явно обозначающий нечто таинственное..

— Ну, уж нет. Не дождешься!

— Вот и я о том же... Полагаешь, будто поверив тебе, я явлюсь на встречу, на которой вместо золота нас встретят полтысячи воинов? Нет, милый мой, я не такой дурак.

— Когда состоится сделка? — краснея от нетерпения, спросил Яга.

— Скоро, скоро, — успокоил его воин. — Когда ты соберешь остальные деньги?

— А где гарантии, что ты меня не надуешь и на этот раз?

— Тебе нужны гарантии? Изволь. Теперь ты возьмешь с собой остальные пятьдесят тысяч

золотых, а вместе с ними тысячу воинов.

— Но у меня нет столько людей, — возмутился жрец.

— Вот и хорошо. Возьми храмовую стражу. Будь уверен, на целую тысячу твоих охранников я не нападу.

— И все равно, я не уверен в тебе, — Яга попытался изобразить недовольство, хотя в душе ликовал.

Теперь Хадаг был в его руках! Замориец весело хмыкнул:

— Ты считаешь, что я исчезну, не взяв пятьдесят тысяч золотом?

Верховный жрец, зная жадность Хадага, так не думал.

— Коли ты меня обманешь... Рыжеволосый атлет нагло усмехнулся:

— Оставь... Мы ж с тобой старые друзья.

Шар погас.

* * *

— Капитан, а вдруг это ловушка? — спросил Забул, слышавший весь разговор от начала и до конца.

— А это и есть ловушка, — спокойно ответил Хадаг. — Жирный слизняк, наверняка приведет с собой целую армию. Только нам до этого не будет никакого дела. Или вы и вправду подумали, что из-за каких-то паршивых пятидесяти тысяч я суну свою голову в петлю?

— Но зачем же тогда весь этот спектакль? — заинтересовался Фивор.

— Мы должны отомстить Яге. Вот и отправим к нему на встречу тех, кого он никак не ожидает там увидеть...

— Кого? — в один голос спросили наемники. Ответ их явно ошаршил.

— Стигийцев! Причем во главе с Тот Амоном и его жрецами.

— Но как они узнают об этой встрече?

— Так же, как и раньше. Мы начнем распространять слухи.

— Может, слуг Затха тоже заинтересовать? — предложил Забул. — Многие из них спят и видят себя на месте Верховного жреца.

Хадаг недолго раздумывал. Идея пришлась ему по вкусу.

— Верно. Мы стравим шакалов между собой, а сами в это время исчезнем.

Ровно два дня спустя, когда все дела были улажены, сотня Хадага, оставив за спиной полыхающую таверну, выехала в сторону Турана. Этому событию предшествовал небольшой грабеж все той же таверны. Дав парням вволю порезвиться, Хадаг построил их шеренгой, и, выехав вперед на великолепном чалом жеребце, заговорил:

— Ну что, соколы мои... Теперь мы богаты. Но надолго ли это? Конечно же, нет. Разве уподобимся мы тем, кого же сами и обобрали? Разве станем мы, волки степей, сидеть на богатстве, как пауки?

— Не-ет! — раздался дружный хор.

— Правильно, — поддержал их капитан. — Надо прокутить эти деньги. Пустить их на ветер! А уж после, снова за работу.

Наемники веселым криком выразили командиру полное согласие, и тот снова заговорил.

— Несогласных нет? Значит, так мы и поступим. Но сперва следует убраться отсюда подальше!

Сотня скакунов сорвалась с места, а следом за ними потянулись две дюжины верблюдов грузенных сундуками с золотом.

* * *

— Что же, все-таки, это может обозначать? — уже наверное в десятый раз спросил Мардо, разглядывая россыпь черных точек.

Конан не знал что ответить, а потому просто промолчал. Зато Добряк никогда не лез в карман за ответом:

— Доплывем — узнаем. А пока дай мне скипетр, посмотрю, что на нем нарисовано... Во всяком случае, плыть нам осталось недолго.

Добряк был прав. На скипетре оставалось всего четыре знака. Вслед за точками шли две продольные полосы. За ними — два треугольника, нарисованные по краям русла Зархебы, а потом снова полоса, на этот раз пересекающая реку. Больше на скипетре не было никаких изображений.

Долго гадать, что же представляют собой черные точки, не пришлось. Утром следующего дня пираты увидели торчащие из воды столбы. Те были черны как ночь и мрачно поблескивали в утреннем свете, нависая над «Тигрицей».

Конан смачно выругался. Он прекрасно помнил свое путешествие в Кхитай, где проклятый князек Фенг заманил его в ловушку. Тогда Конан отправился с Фенгом разыскивать якобы зарытые сокровища, и князь велел варвару надеть стальную кольчугу, которая в итоге намертво прилипла к черному монолиту. Конечно же, Конан сумел выбраться из западни, а на ужин к чудовищу, живущему на столбе, отправился сам Фенг.

— Эй, Мардо. Тащи сюда арбалет, — приказал киммериец, желая увериться в своей догадке.

Натянув тетиву, варвар положил стрелу на арбалетное ложе и нажал на крючок спуска. Стальной болт намертво прилип к колонне.

— Ясненько, знакомый фокус, — цокнул языком киммериец.

— Колдовство, — донесся робкий шепот матросов.

— Капитан, — благоговейно произнес Мардо. — Что это?

— Неважно. Долго объяснять. Запомните, эти столбы притягивают железо. Приказываю снять весь такелаж, отнести в трюм и уложить его точно посреди корабля. Все ясно?

Матросы не поняли ни слова, но дружно закивали головами.

— А скобы? Они тоже стальные, — поинтересовался Карус.

— Тут уж ничего не поделать. Пойдем точно между столбов, дабы уравновесить притяжение.

Когда все было готово, киммериец сам встал к штурвалу.

— Начали, — рывкнул он, и весла, дружно опустились в воду.

Во рту пересохло. Пот лил ручьем, застилая глаза, но Конан упрямо вел «Тигрицу» вперед. Корабль в любое мгновение мог разбиться об одну из колонн, шесть пар из которых галера уже миновала.

Конечно же, не обошлось без происшествий. Стоящий в вороньем гнезде пират не внял предостережениям капитана и не стал снимать оружия. В итоге, его выдернуло из вороньего гнезда и притянуло к черному столбу. Конан слышал, как треснул череп, а моряк так и остался

висеть на колонне, притянутый к ней широким поясом с массивной металлической пряжкой. Наконец столбы остались позади.

— Боги милостивые, неужели все закончилось? — Конан дрожащими от усталости руками вытер пот со лба.

Киммериец ошибся. К капитану подбежал Добряк и позвал за собой. В трюме, в самом темном углу, лежал Мардо. Из его спины торчал арбалетный болт.

— Проклятье! — зарычал варвар.

— Видимо, Мардо кого-то заметил и пошел следом...

— Только выстрелили ему в спину!

Конан погрузился. Мардо был хорошим товарищем. Может быть, чересчур болтливый и любознательным, но до наивности добрым. Даже во время абордажей Мардо старался не убивать без нужды — только в случае, если ему приходилось защищать свою жизнь.

Да и боец из него был аховый. Рано или поздно его должны были убить...

Новое потрясение ждало их чуточку позже, когда Барук, отправившийся справить нужду, нашел в гальюне Грасса. У того было перерезано горло.

В прежние времена Конан собственноручно отправил бы всех попавших под подозрение на Серые Равнины. Но сейчас он знал цену чужой жизни, а потому боялся убить невиновных.

— Будем ждать, когда они выдадут себя, — хрипло произнес киммериец.

— Конечно, выдадут, — недовольно буркнул Добряк. — Перережут еще кому-нибудь глотку, тогда и выдадут!

Конан не ответил.

* * *

Спустя пять дней, на рассвете, с обоих берегов Зархебы в небо взметнулись стаи птиц. Вернее, пиратам только сперва показалось, что это птицы. Приглядевшись получше, Конан понял, что это крылатые обезьяны, как две капли воды, похожие на ту, что погубила Белит.

— Оружие к бою, — приказал киммериец, но это было излишним. Уже долгое время никто из пиратов не расставался с клинками и самострелами ни днем, ни ночью.

После арбалетного залпа стая крылатых тварей изрядно поредела, но не утратила своего боевого пыла. На «Тигрицу» обрушились множество крыланов, норовящих вцепиться в глаза или в горло. Матрос Шург, схватившись за окровавленное лицо, полетел за борт. Сорвался из вороньего гнезда Аркин. Твари, будто почувствовав, кто их главный противник, дружно набросились на варвара. Широко расставив ноги, Конан разил двуручным клинком, стараясь не подпустить к себе обезьян.

— Капитан, появились чужие корабли! — перекрывая общий шум, заорал Барук. Этому гиганту были не страшны маленькие крылатые твари, которых он давил голыми руками. Однако судьба решила погубить могучего пирата именно здесь. Одна из обезьян успела вонзить в голову Барука длинный острый коготь, великан пошатнулся и упал замертво. В этот миг Конан увидел стигийские галеры, которые, без сомнения догоняли «Тигрицу».

— Все на весла, — заорал варвар, устремляясь к штурвальному колесу. По счастью, обезьяны отступили: заметив новую добычу, они полетели к стигийским кораблям.

— Что бы это могло быть? — удивленно спросил Стапх, рассматривая упирающиеся в небеса черные колонны. Желая посмотреть на чудо поближе, он направил галеру к одному из монолитов.

— Капитан, — крикнул кряжистый боцман. — Корабль стал плыть быстрее! Нас несет прямо на камень.

Корабельный жрец принялся шептать защитные заклинания, и поднявшийся встречный ветер спас галеру от столкновения. Несколько стигийских солдат, облаченных в полную амуницию, колдовством подняло с палубы в воздух и мгновенно притянуло к столбу. Те, кому повезло, умерли сразу...

Тот Амон, наблюдавший за происходящим, пришел в неистовство.

— Идиоты! Слизни! Твари! Да это же обыкновенный магнит.

Выслушав наставления колдуна, Стапх разоружил команду и с превеликими осторожностями повел галеры вперед. Стигийцы заметили на одном из столбов мертвого человека.

— Труп еще не успел разложиться, а значит киммериец где-то недалеко, — радостно воскликнул Владыка Черного Круга, рассматривая окрестности с помощью шара. Колдун убедился в находчивости и уме варвара. Вскоре погоня закончится...

Галеры, набрав скорость, понеслись вперед. Вскоре впередсмотрящий подал долгожданный сигнал.

— Это корабль киммерийца! — воскликнул Стапх. — Поднять все паруса. Оружие к бою!

Стапх, облачившись в позолоченные доспехи, решил сам вести команду на abordаж пиратского судна.

Конан понимал, что положение сложилось отчаянное. От экипажа осталось всего семнадцать человек. Сзади наседали стигийцы, а корабль подхватило стремительное течение, которое теперь несло «Тигрицу» невесть куда.

— Капитан, надо править к левому берегу, — захрипел налегающий на весло Добряк.

— Тогда мы окажемся под ударом кораблей Тот Амона. Наша единственная возможность уйти от стигийцев — плыть по течению. «Тигрица» значительно легче их галер.

Добряк сильнее налег на тяжелое весло. Во время боя с крылатыми обезьянами пират лишился уха и глаза, но при этом он работал наравне со всеми.

Как видно, крыланы не представляли для стигийцев особой опасности. Отогнав обезьян заклинаниями, преследователи бросились догонять корабль варвара. Они шли вперед бок о бок, но одна из галер вышла со стремнины и стала отставать. Внезапно стигийский корабль разрезало пополам, точно ножом.

— Капитан, что это? — воскликнул пораженный Добряк, но Конан только смог пожать плечами.

— Не знаю. Вспомни полосы на карте!

Киммериец лучше присмотрелся к реке и обомлел. Здесь было несколько противоположных течений. Центральное несло вперед «Тигрицу», а боковые уносились в обратном направлении. Желая проверить свою догадку, варвар поднял оброненный кем-то меч и метнул его плашмя в воду. Крепкую закаленную сталь разрезало, будто масло.

— Кром, — пробормотал киммериец. — Теперь мы точно в ловушке...

Но нет худа без добра — стигийцы потеряли все галеры, кроме одной, хотя и с ней Конан предпочел бы не встречаться. Решив принять дополнительные меры предосторожности, северянин скомандовал:

— Все лишнее за борт! Живо!

И он первым схватился за тяжелый сундук, стоявший на палубе. Довольно скоро палуба и трюм опустели. Галера понеслась вперед еще быстрее. Гонка могла бы продолжаться еще долго, но судьба решила по-своему. Вскоре пираты «Тигрицы» увидели перед собой две скалы, находящиеся как раз по центру Зархебы. К величайшему ужасу людей, они двигались, время от времени сходясь и сталкиваясь друг с другом.

— Кром, ну почему ты не иссушил эту проклятую реку? — в сердцах воскликнул Конан, понимая, что теперь выбраться из ловушки будет невозможно.

— Может, попытаться покинуть корабль? — спросил сам себя варвар, но сразу отказался от этой идеи. У Конана не было никакого желания застрять на этом проклятом берегу. А если... Точно! Они проскочат сквозь эти скалы! Конан задумчиво потер подбородок. Почему бы и нет? Киммериец умудрялся выживать там, где другие погибали именно потому, что он не боялся рискнуть.

— Все по местам, Нергал вас закри! — прикрикнул он на растерянных матросов.

— Это невозможно, — воскликнул один пиратов, нанятых в Шеме. — Нас просто расплющит!

Моряк, видя надвигающуюся на него фигуру капитана, попытался выхватить секиру, но не успел. Конан выбил оружие и вышвырнул бунтовщика за борт. Шемит благополучно перелетел опасную границу течений, но Конан отлично понимал, что тот обречен. Выжить на берегах мертвой реки было невозможно. Впрочем, шемит получил то, на что напрашивался. Желаящих отправиться за ним больше не нашлось. Пираты молча направились, к веслам.

— Грести только по моей команде, — рыкнул взбешенный варвар. Смерть надо встречать гордо, с оружием в руках. Он, Конан, умрет с гордо поднятой головой.

Взгляд киммерийца упал на однорукого Хаарла и он понял, что тот не сможет грести. Зато худощавый великан с легкостью удержит штурвал. Поставив на свое место гиперборейца, Конан отправился на нос и сам сел на весла.

Хаарл подвел галеру к скалам, как раз в тот момент, когда они разошлись.

— Налегли, — что есть мочи заорал он, и люди навалились на весла. Пожалуй, еще никогда экипаж галеры не работал так четко и слаженно. Весла мерно поднимались и опускались в пенящуюся воду.

Скалы начались сходить, когда «Тигрица» не достигла и середины прохода.

— Быстрее, — крикнул Хаарл. Скалы приближались. Конан понял, что сейчас произойдет.

— Бросай весла, — рыкнул он, успев сделать при этом еще один гребок, который, по сути, и спас галеру от неминуемой гибели. «Тигрица», подхваченная волной, вылетела из смыкающегося капкана, правда, лишившись при этом весел.

Не успевай пираты отскочить к середине корабля, их бы изуродовало обломками.

— Мы живы, — крикнул Хаарл. — Да здравствует капитан!

Обернувшись назад, Конан увидел, что стигийцы решились повторить их маневр.

Стоящий на палубе жрец, высоко воздел руки, читая заклинание, и галера быстро набрала

ход под колдовским ветром,

— Эдак они и впрямь нас догонят, — буркнул Конан, кладя на ложе арбалета тяжелый стальной болт. Щелкнула тетива. Жрец пошатнулся и рухнул замертво. Как это часто бывает, вместе с колдуном, сгнуло и его колдовство. Ветер исчез так же быстро, как и появился. Заметно потерявшая в скорости галера все еще пыталась выскользнуть из каменной ловушки, но ее длинные весла так ничем и не помогли. Скалы беспрепятственно сомкнулись, ломая борта корабля...

— Вот все и кончилось, — тихо сказал Хаарл.

— Да, все кончилось, — согласился с ним Конан.

Смрадный чад от нескольких жаровен заполнял помещение удушливым запахом тления. Дым причудливо стелился по полу, образуя странные, едва заметные фигуры. Человек, стоящий на коленях в середине зала, не обращал на них никакого внимания. Он знал, что это души им же убиенных детей, которых он принес в жертву своему Владыке.

Наконец, его Бог ответил ему.

— *Ты слишком часто стал тревожить меня, человек!*

Чернокнижник распластался на полу и ответил:

— О! Прости меня, Великий Повелитель Вселенной!.. Но дело слишком важное, дабы я осмелился умолчать о нем. Некий жрец, по имени Тот-ан-Хатеп покусился на гробницы Птейона...

Тот Амон доложил Сету Великому о краже скипетра-ключа, а также о собственных попытках вернуть украденное.

— *Хорошо,* — выслушав жреца, ответил Сет. — *Я помогу тебе. Но учти, что мое терпение не вечно. Неужели ты не можешь покончить с этим проклятым варваром!*

Ярко вспыхнули факелы и жаровни, и бог исчез. А колдун еще долгое время оставался все в том же неподвижном состоянии.

Лишь в предрассветной мгле, когда солнце еще только начинает зарождаться, колдун наконец-то пошевелился. Он оглядел оплавленные каменные стены и поежился, понимая, что Сет очень недоволен происходящим. Но Тот Амон не поддавался чувствам. Главное было сделано, Владыка Сет обещал свою помощь, а значит... Размышления стигийца оборвало странное свечение, возникшее в воздухе. Неожиданно из пустоты зал шагнули несколько завернутых в черное фигур. Пришельцев было невозможно разглядеть, но Тот Амон сразу же понял, что это посланцы Сета.

Один из них заговорил шипящим голосом:

— Владыка призвал нас из Храма Проклятых. И вот мы здесь.

Второй раз за день колдуна пробил холодный пот. Он с ужасом вспомнил те несколько лет, что провел в Храме Проклятых в качестве послушника, желая изучить азы магии. В те годы на небосводе Стигии зажглась звезда Тот Аписа, и Тот Амон, был вынужден бежать, дабы не быть принесенным в жертву. Он нашел приют недалеко от Птейона Проклятого, где и располагался Храм. За долгие годы колдун собственноручно принес в жертву Сету тысячи людей. Но то, что творилось за стенами Храма, привело в трепет даже его. Столь изощренных и мучительных попыток человеческий разум не мог создать.

— Приветствую вас, братья, — собравшись с силами, выдавил из себя колдун.

— Повелитель сказал, что скоро мы должны отправиться в путь.

— Совершенно верно. Как только мои люди свяжутся со мной, мы будем точно знать местоположение корабля варвара. А пока, может быть, дорогие гости желают принести в жертвоприношение Владыке?

Тот Амон знал, что более всего обитатели Храма любят убивать.

Посланцы не отказались.

Идраг гнал своих воинов вперед, не считаясь с потерями. Несколько подвластных ему змеелюдей сгорели под светом ока Ра, не успев вовремя спрятаться. Другого, зарывшегося не слишком глубоко, захлестнула морская волна, и соль мгновенно разъела чешую. Еще двоих растоптало стадо слонов, на чьем пути они оказались... Наконец, змееногие достигли мертвой реки, чьи воды были им сродни. Но и тут злоключения Идрага не закончились. В одной из расщелин на них напало странное многоголовое существо, унеся наверх сразу четверых змеелюдей. Но цель пока не была достигнута, и Идраг не прекращал погоню за сокровищем.

* * *

Последние дни сделали Конана злым, и раздражительным. Он с горечью, окидывая взглядом поврежденную «Тигрицу» и вспоминал Белит.

Только сейчас Конан понял, что он просто обязан был вернуться на Зархебу и выяснить, что же убило прекрасную шемитку. Варвар желал знать, что сделало эту реку такой, какой она стала. И вот, похоже, что он был близок к разгадке. На скипетре остался всего один знак, и цель путешествия была близка.

* * *

Киммериец стоял возле штурвала, а потому, воспользовавшись моментом, Слуга Величайшего спустился в трюм. Пора было связаться с повелителем. Хрустальная пирамидка засияла алым, и Слуга увидел черные глаза Тот Амона.

— Почему так долго молчал? — зло зашипел колдун.

— За нами следили, господин. Мой товарищ тяжело ранен, а я только сейчас смог уединиться.

— Ладно, — милостиво кивнул Тот Амон. — Будь готов открыть Врата прямо сейчас.

— Как прикажете, хозяин, — ответил наемник, но тут за его спиной прозвучал громкий голос.

— Попался, ублюдок. Теперь-то, я намотаю твои кишки на клинок!

* * *

Добряк, с трудом увернувшись от мелькнувшей в воздухе боевой цепи, метнул свой нож, но промахнулся. Аквилонец, быстрый, как змея, успел пригнуться, а затем снова атаковал. Пирата ожидал неприятный сюрприз. Триск, каким-то чудом поднявшийся с койки, вонзил Добряку в спину меч.

— Нам нужна была жертва, идиот, — зашипел аквилонец.

Траск снова вскинул меч, хоть это и отняло все его силы.

— Я только что спас твою жалкую жизнь, змея неблагодарная!

Александриас примирительно развел руками.

— Прости друг, просто я очень тревожусь из-за этого варвара.

Поглядев за спину немедийца, Александриас вдруг воскликнул:

— Кто это?

Траск стремительно обернулся, ожидая увидеть очередного противника, но позади никого не было.

Немедиец презрительно сплюнул на пол, — и тут же что-то тяжелое ударило его по голове. Свет в глазах померк...

* * *

Придя в сознание Траск попытался пошевелиться, но у него ничего не вышло. Как выяснилось, он был туго обвязан веревками по рукам и ногам.

— Твоя жизнь заканчивается, Траск, — зло произнес аквилонец. — Настала пора прощаться. Мне уже давно надоело твое общество. И потом, зачем же делить награду на двоих? Теперь я получу ее один.

Немедиец, не веря в предательство товарища, закричал:

— Но ведь я столько раз спасал твою жизнь! В ответ Александриас зашелся в жестоком смехе:

— Не надо было ее спасать. А теперь, прощай.

Резко перевернув Траска вниз лицом, аквилонец зашептал что-то на стигийском языке и перерезал горло сообщника.

В этот момент дверь трюма слетела с петель, и в проеме появился Конан.

* * *

— Капитан, впереди водопад, — закричал Карус, указывая куда-то вдаль.

— Кром, так я и знал. Где все? — киммериец оглядел палубу, но увидел только пятерых матросов. — Где Добряк?

— Он отправился вниз, — вспомнил один из пиратов. — По моему, вслед за аквилонцем.

Почувствовав неладное, Конан кинулся в трюм, бросив на ходу:

— Приготовить шлюп.

Дверь слетела после первого же удара, и Конан увидел мертвого пирата. Чуть дальше, с ножом в руке, склонясь над телом Траска, стоял Александриас.

— Убью, мерзавец, — рыкнул варвар и метнулся вперед. Но в этот момент прямо из воздуха к нему шагнули три облаченные в черное фигуры. Принимать бой, киммериец не стал. На это просто не было времени. Выскочив на палубу, Конан метнулся к лодке, уже готовой к отплытию. Стремительным движением оттолкнув шлюп от борта, северянин налег на весла. Вскоре лодка достигла берега.

Обернувшись, Конан успел увидеть на фоне звездного небосклона галеру, которая мелькнула и пропала, рухнув в бездну водопада.

«Тигрицы» больше не было.

— ...И никогда больше не будет, — решил варвар. — Больше ни одна «Тигрица» не станет бороздить морские просторы. Это название принадлежало Белит, а она мертва. Значит, и галера должна отправиться на Серые Равнины. Пускай прекрасная шемитка пиратствует там!

Ради этого стоило проделать весь этот путь, и лишиться корабля и команды.

Круг замкнулся, и лицо киммерийца осветила грустная улыбка. Он сделал все, что было в его силах. И отныне он был свободен от своей памяти...

Оставалось лишь уничтожить то, что отравило воды Зархебы. Отчего-то Конан не сомневался в том, что разгадка мертвой реки уже совсем рядом.

Отдав последний салют кораблю, варвар обернулся к оставшимся в живых. Их было пятеро. Всего лишь пятеро...

Куда делись остальные, Конан не знал, но видимо все они погибли вместе с кораблем. К своему удивлению, а может, и радости, киммериец увидел Хаарла и Джафара.

— Что будем делать, капитан? — спросил Карус.

— Ждать рассвета, — отозвался киммериец. — А там видно будет.

Закончить, он не успел. Заросли раздвинулись, и Карус рухнул замертво...

* * *

Идраг не верил своим глазам. Огонь, так долго ускользавший от него, теперь был всего в двух шагах. Осталось протянуть руку и взять его! Пускай их осталось всего трое, но что им — избранникам Сета! — шестеро жалких людишек. Хотя...

Идраг пригляделся получше. Нет! Этого просто не могло быть! Двое бесхвостых — были мертвы! Мертвы, точно так же, как и воины-змееногие!

Человек, который держал в руках Огонь, выхватил меч и нанес удар.

* * *

Конан, увидев, что хвостатые твари замешкались, ударил первым. Одна из них тут же лишилась головы, зато остальные оказали серьезное сопротивление. Двое пиратов погибли почти мгновенно, а однорукий Хаарл вновь был ранен. Хвала Крому, Джафар еще держался. Поволчьи поджарый афгул постоянно двигался, не позволяя себя задеть. Но и противник ему, попался достойный. Они кружили по скользким от воды камням, словно в танце. Своего соперника Конан делил с гиперборейцем, но тот начинал сдавать. Похоже, его рана была намного серьезнее, чем киммерийцу показалось вначале. Наконец, извернувшись, варвар проткнул хвостатого насквозь, и тут его меч намертво засел в теле врага.

— Кром, — выругался Конан, но поделаться с этим уже ничего не мог. Змееногий резко развернулся и ударил наискось.

Удар такой силы, безусловно, должен был снести варвару голову, не встань на пути острой

стали Хаарл. Меч вошел более высокому гиперборейцу в грудь. Единственным оружием, которым можно было воспользоваться варвару, оставался палаш Хаарла. Им-то Конан и рассек тварь пополам.

* * *

Джафар знал, что это грозит ему смертью — второй, и последней! — но поступить иначе не мог. Отбросив кинжал, он крепко обхватил Избранного и бросился в воду. Все оживленные с помощью скипетра должны были держаться подальше от проточной воды. Зархеба, хоть она и была отравлена, все же оставалась рекой, а значит, могла убить. Так и случилось. Афгул и Идраг погрузились в воду и умерли во второй раз... Конан склонился над гиперборейцем и понял, что тот обречен. Однако Хаарл улыбался, и что самое странное, Конан не увидел крови.

— Кто ты? — наконец, спросил киммериец.

— Хаарл из Халогии. Я говорил тебе правду. Просто я родился на свет тогда, когда тебя еще и в помине не было. Да что там тебя — даже деда твоего деда!

Несмотря на отсутствие крови, говорил Хаарл, с трудом, постоянно прерываясь.

— Почему ты так долго прожил? — удивленно спросил киммериец.

— Виноват скипетр... Когда-то давно его создал Нергал и отдал своим жрецам. Слуги Сета, это хвостатое отродье, выкрали скипетр и научились возвращать к жизни людей. В те далекие годы, мы, люди, были совсем еще молодой расой и начали завоевывать Хайборию. Древние вынуждены были убраться прочь, и они это сделали. Вот только с собой валузийцы прихватили множество рабов, одним из которых оказался я. Многие тогда умерли, не выдержав непосильных работ, но их оживляли с помощью скипетра Нергала. Та же участь постигла и меня. Мы лишились посмертия и души, но вот думать могли. И мы возжелали свободы. Так, много лет спустя, мы с Джафаром подняли восстание, убивая ненавистных нам змеелюдей, но добраться до скипетра так и не смогли. Валузийцы построили храм, куда мертвым нет и никогда не будет хода. Тогда-то мы и решили отправиться в путь. В свое время повелитель змеелюдей Сар-Заргс создал карту, в надежде, что его сородичи смогут воспользоваться скипетром. Шли века, и Валузию заселили люди, назвав ее Стигией. Мы с Джафаром ждали, что наконец-то появится смельчак, желающий отыскать древние сокровища. Вот ты и появился. Надеюсь, что ты захочешь помочь тем, кто ждет тебя не одно тысячелетие.

— Что надо делать? — спросил варвар, уже давно для себя все решивший.

— Тебя не пропустят в Храм. Мы слишком боимся, что за скипетром явится кто-то, желающий использовать его в личных целях. А потому всех проходящих сюда — убивают.

— А ты?

— Мне осталось совсем недолго. Оружие этих псов Сар-Загрса способно убивать даже мертвых. Так что...

Сказать больше Хаарл не успел. Он просто замолчал, закрыв глаза.

* * *

Нарождающиеся солнце только-только появилось на горизонте, а Конан, был уже на ногах. Взяв с собой только меч, флягу и моток крепкой веревки киммериец смело подошел к водопаду.

Настроение у киммерийца было отличным. Конечно же, он не забыл о гибели людей и галеры, но к чему обременять себя пустыми переживаниями? Новый день несет новые радости, новые богатства, новую любовь. Прошлое забыто. К чему вспоминать вчерашние дни и мучить себя?

Конан подошел к водопаду и замер. Картина, представшая пред ним, поражала своей красотой. Внизу, куда срывались каскады темной воды, раскинулось огромное озеро. В середине озера располагался остров, на котором стоял разрушенный город. К острову вели четыре моста.

Спуск оказался долгим, хотя и не тяжелым, но в непосредственной близости от моста вся растительность была гладко скошена. Подобраться незаметно было почти невозможно.

— Сетовы потроха, — сквозь зубы выругался киммериец. — Вот и доказывай теперь мертвым, что я для них же стараюсь.

Варвар быстро пересек открытое пространство и нырнул под мост. Идти по нему он все равно не собирался, а вот пролезть по опорам было вполне возможно.

— Вроде бы не заметили, — шепнул Конан и тенью скользнул под защиту стен. Тут же он нос к носу столкнулся с обитателем заброшенного города. Конан среагировал быстрее, а потому мертвец сразу лишился головы.

Однако отсеченная голова уставилась на варвара, а затем закричала:

— Чужак в городе! Чужак! Хватайте его!

Конан бросился бежать, пытаясь отыскать дорогу к храму, который он приметил. Мертвецы чуть не загнали его в ловушку, окружив со всех сторон, но киммериец залез на растрескавшуюся стену и побежал дальше по сохранившимся крышам зданий.

Конан и сам не понял, когда прекратилась погоня. Он вдруг осознал, что остался один. Подняв голову, варвар увидел возвышающуюся перед ним громаду храма, вокруг которой собрались все обитатели города мертвых. Дальше пути им не было — в храм змееногих мертвецы войти не могли.

— Вот и ладно, — усмехнулся киммериец. — Без вас обойдусь как-нибудь. Спокойней будет.

Конан с интересом принялся рассматривать храм.

Это было огромное строение, со сглаженными от времени углами. Если когда-то на черном камне и был какой-нибудь узор, то сейчас стены строения стали абсолютно гладкими. Портал, подпираемый толстыми колоннами, выглядел довольно мрачно, но варвара это не волновало.

Вдоволь наглядевшись, Конан спокойно пошел внутрь. К сожалению, у варвара не было с собой факела, а потому он стал пробираться на ощупь.

Внизу, в конце длинной лестнице, на которую ступил киммериец, мелькнула вспышка света.

— Значит, этот гаденьш Александриас все-таки выжил, — прошептал киммериец. — Тем лучше. Я своими руками вырву его сердце. За всех моих людей.

Конан стал двигаться медленнее и осторожнее. Спустившись вниз, он скользнул в противоположную от источника света сторону и спрятался за колонной. Теперь он мог спокойно оглядеться.

— Он где-то здесь. Я чувствую его, но никак не пойму где... — Конан не узнал этого шипящего голоса, но почему-то ему стало неприятно, будто его окунули во что-то липкое и вязкое.

Внезапно он вспомнил, странные фигуры, появившиеся на корабле, и понял, что эти существа тоже находятся здесь. Интересно, как они смогли выбраться с «Тигрицы» и

незамеченными пробраться в храм?

Рискуя быть замеченным, киммериец выглянул из своего укрытия и увидел довольно большой зал, по центру которого стоял гигантский трон. Именно он и привлек внимание варвара. Что-то подсказывало Конану, что искомое находится именно там.

— Значит, надо играть на опережение, — решил киммериец и стал пробираться поближе к центру зала, укрываясь за колоннами. Существа, меж тем, методично обследовали помещение.

Довольно долгая игра в прятки закончилась тем, что варвар все же оказался возле трона, а его соперники в дальней части зала. Вытащив из-за пояса жезл, Конан увидел, что он светится. Точно так же светилось и отверстие в спинке кресла.

Не долго думая, он засунул жезл в нишу, и тот исчез в отверстии. Вдруг оттуда же появился другой жезл. Только гораздо более длинный и тяжелый.

— Скипетр мертвых, — раздался сзади хорошо знакомый голос. — Отдай его мне, киммериец.

Конан резко развернулся, не забыв схватить при этом скипетр.

— Попробуй, отбери!

— И отберем, — по-змеиному улыбнулся Александриас и махнул рукой. Конан с трудом увернулся от тяжелого метательного ножа. Этим оружием аквилонец владел в совершенстве.

— Оставь его нам, смертный, — услышал варвар. И тут перед ним выросли три фигуры, завернутые в черное.

Александриас с явной неохотой отступил назад.

— Я до тебя еще доберусь, — пообещал Конан. — И отомщу за всех тех, кого ты убил на «Тигрице».

— Я? — искренне удивился аквилонец. — Тут ты ошибаешься, Конан. Это сделал не я.

— А кто же?

— Он, — и Александриас указал на Рудо. — Вот он, твой таинственный убийца. А я не люблю лишней раз марать руки.

Варвар с ненавистью посмотрел на предателя. От такого взгляда Рудо затрясло, и он спрятался за своего покровителя.

Александриас спокойно продолжил:

— Твои люди обидели его, я же этим только воспользовался. Мне был нужен тот, кто будет делать всю грязную работу. Вот и все. Его, правда, хотели забрать к себе, наши общие друзья, — аквилонец указал в сторону трех фигур. — Но я не позволил...

Конан отчего-то не поверил в добрые намерения Александриаса, а потому даже пожалел Рудо. Его ждало что-то страшное.

— Ну, все. Пора заканчивать с этим, — произнес аквилонец, и трое шагнули вперед.

— Давайте, идите сюда, Нергал вас заберет, — гаркнул Конан, и с силой рубанул воздух рукой... Той, в которой был зажат скипетр. — Ну, что встали?

Посланцы Сета застыли на месте и с ужасом взирали на киммерийца... Точнее на то, что находилось у него за спиной.

— Ах-х!.. — раздался за спиной громкий зевок. — Заберу, конечно, коли, отдаешь.

Конан обернулся.

На троне восседал Владыка Серых Равнин, собственной персоной. Рогатый человеко-ящер, раскрыл пасть и опять зевнул.

— Ах-х!.. Ну и надоед же ты мне, Конан. Раньше меня будили раз в столетие, да и то не всегда. А теперь уже второй раз за последние десять лет я вижу твою рожу.

— На свою посмотри, — обиделся киммериец. Конечно, перед ним был бог, но терпеть оскорбления варвар не собирался ни от кого.

— Нет, посмотрите, каков наглец! Как что не так, он Нергала поминает. Будто это я во всем виноват. А чуть что, обижается. Эх, расплющить бы тебя, — бог поднял огромный кулак и потряс им в воздухе.

— Да, неохота мне с твоим Кромом связываться. Вы там, в Киммерии, все с придурью. Вот убьешь тебя, а вы потом мне уснуть вовек не дадите. Заявитесь на Серые Равнины, да будете оружием бряцать... Нет, с киммерийцами связываться я не хочу. До встречи. Я пошел спать...

— Погоди, — воскликнул опомнившийся варвар. — Я тебя разбудил из-за серьезного дела. Этот город давно мертв. Так почему же обитатели Серых Равнин никак не обретут покой?

— Что? — взревел ящер. Такой поворот дел, его явно не устраивал. Он, пронзив взглядом каменные стены, оглядел город. — Кто посмел?

— Они, — Конан кивнул на троих в черном. — Они, и им подобные. А творилось все это непотребство с помощью твоего жезла.

Киммериец протянул Нергалу скипетр и повторил:

— Вот зачем я разбудил тебя. Хочу вернуть скипетр мертвых.

Нергал повертел жезл в руках.

— Помню, помню... Когда-то я и впрямь изготовил его. Ладно, это дело прошлое. А тебе, Конан, спасибо. Ты заслужил награду. Но сперва разберемся с нашими гостями...

Нергал взглянул на Посланцев и сказал:

— Возвращайтесь в царство теней! Хватит ходить по земле!

По телам Посланцев пробежала судорога, и их не стало. На полу остались только истлевшие плащи.

Нергал взглянул на людей.

— Теперь разберемся с вами.

Но Александриас опередил бога. Он вытолкнул вперед Рудо и быстрым движением перерезал ему горло, гортанно вскрикнув заклинание. И тотчас исчез.

— Прыткий малый, — вздохнул Нергал. — Чем-то похож на тебя, Конан. Сейчас Александриас находится под защитой Сета. А мне неохота связываться с этой шипящей гадиной. Сет с Александриасом еще наплачется да наломается...

Конана удивило такое решение, но спорить варвар не стал.

— А теперь говори, чего желаешь, — произнес Нергал. — Проси награду за возвращение жезла.

Сердце варвара сжалось, а потом он выпалил.

— Я хочу, вернуть Белит. Вернуть к жизни.

Нергал посмотрел на киммерийца сочувственно, однако кивнул.

— Ладно, давай посмотрим, что можно сделать.

Бог закрыл глаза и зашептал заклятья. Вскоре он очнулся.

— Белит нет в моем царстве.

— Как — нет? — воскликнул киммериец. — А где же она?

Нергал снова прикрыл тяжелые глазницы.

— Она в Кориканге.

— Где-где? — переспросил Конан.

— Кориканга, это страна света. Белит там — царица, давшая свету великого сына. Твоего сына, Конан.

— Но как же тогда...

— Она жива, Конан, — бог сурово посмотрел на варвара. — Уж не думаешь ли ты, что я стану тебя обманывать? Ты хоронил лишь смертную оболочку Белит. «Тигрица» спасла тебя, но за это Белит была вынуждена уйти в другой мир. Она навеки останется там, так что смирись с

этим.

Оба помолчали. Конан не знал, что ответить, а Нергал не желал прерывать его мысли. Наконец киммериец заговорил:

— Меня привели сюда двое воинов, Хаарл и Джафар. Что с ними?

— Они обрели долгожданный покой, — ответил Нергал. — Не тревожься о них. Подумай лучше о себе самом.

— Хорошо. Я хочу корабль и команду.

Бог развел руками.

— Извини, это я не могу сделать. Я бог мертвых, и могу дать тебе только мертвый корабль.

Хотя...

Нергал немного подумал и добавил:

— Будет тебе корабль. Иди к бухте Красных Скал, что на побережье Стигии, там ты его и отыщешь.

— Ладно, — киммериец махнул рукой. — Нергал с тобой, сам как-нибудь разберусь.

— Не богохульствуй, — возмутился бог мертвых.

Почему-то обидчивость бога очень позабавила Конана.

— Ну хорошо, не буду. Но золото, хотя бы у тебя есть?

— Откуда? На Серых Равнинах, нет ничего, кроме пыли. Впрочем... — Бог протянул руку, в которой он сжимал папирусный свиток.

— Попал тут ко мне один кладоискатель. Так вот, он никак не поймет, что уже умер. Ходит и ходит с картой, надоел уже. Бери, Конан, ему она все равно теперь без надобности. А тебе авось и пригодится.

Киммериец взял карту.

— Ну, что ж, прощай, Конан. Мне пора. Не серчай, если что не так.

Варвар отсалютовал богу мечом и направился к выходу.

— Да, и еще, Конан... — послышалось сзади.

— Что?

— Ты уж постарайся больше меня не будить. А то и впрямь начинает надоедать!

* * *

Конан вышел из храма, и сладостно вдохнул свежий воздух.

— Пора в путь, — решил он и зашагал к водопаду.

Толстяк Яга довольно потер потные руки. Скоро этот недоносок Хадаг, поплатится за все. Скоро он узнает, что значит насмеяться над Верховным Жрецом Йезуда!

— Посмотрим, что сотня наемников сможет сделать с тысячным войском и тремя колдунами. По счастью, Хадаг заранее объявил место встречи, позволив тем самым подготовить ловушку...

Верховный жрец привел с собой всех, кого он смог тайно вывести из города. Хадаг был обречен.

* * *

— Владыка, заморийцы остановились именно там, где и сказал Хадаг.

Тот Амон поморщился, вспомнив наглого человечка, связавшегося с ним. Но он был обязан проверить его слова. А что если это правда? Вдруг ларец у заморийца? Тогда он сможет победить там, где потерпели сокрушительное поражение посланники Сета.

— Выступаем, — приказал стигиец, и десяти тысячное войско двинулось в путь.

Быстро сломив сопротивление заморийцев (те умерли, так, ничего и не поняв), воители Тот Амона окружили лагерь Яги.

Сам жрец ожидал увидеть Хадага, но вместо него встретил Тот Амона.

На губах стигийца заиграла зловещая змеиная улыбка.

— Приветствую тебя, брат. Рад нашей очередной встрече.

В душу Яги закрался страх.

— Привет и тебе, владыка Стигии.

— Зачем нам все эти титулы? Давай оставим их для врагов и рабов.

— Согласен. — Яга хотел было позвать телохранителей, однако передумал. Справиться с Тот Амоном они все равно не смогут. — Чем обязан чести нашей встречи?

— Ларец. Мне нужен ларец...

Яга молча вынул шкатулку из складок жреческой хламиды и протянул Тот Амону.

Стигиец алчно схватил ларец, развернулся и молча пошел прочь из шатра. Он, конечно, мог бы убить Ягу, но не стал делать этого.

Жрец Йезуда был обречен — Тот Амон твердо знал это.

* * *

Яга перевел дыхание. Он был жив, а это главное. Все остальное — поправимо.

— Предатель, — прокрипел над его ухом знакомый голос. Жрец похолодел. — Презренный предатель!

Яга обернулся. Позади него застыли все члены Совета Семи.

— Предатель, — вновь повторил Архан, древний, как само время, старец и верховный жрец Затха.

Яга понял, что приговор уже вынесен.

* * *

Галера полыхала и скоро должна была пойти на дно. Адмирал Менкара с грустью подумал о том, какие злые шутки иногда можно ждать от судьбы. Вырваться живым с Зархебы, для того, чтобы попасть в руки пиратов!

Он снял шлем, желая вытереть пот, и в этот момент его висок пронзила стрела.

* * *

Жрец благоговейно посмотрел на молодого человека.

— Да осияет тебя свет всеблагото Митры, — произнес он. — Конечно же, мы сможем помочь тебе. После всего того, что ты сделал для света и мира, отказать тебе было бы подлостью...

И он протянул воину нечто, завернутое в тряпицу.

Светлый совет жрецов Митры порешил отдать Александриасу Аквилонцу древний оберег, оставшийся от святого Эпимитриуса, в обмен на то, что он доставил в храм Тарантии. Это был ларец, украденный у самого Тот Амона. Нет, безусловно, Александриас был героем и заслуживал много большего...

— Бери, добрый человек, бери и не бойся. Отныне магия грязных змеепоклонников не страшна тебе. Теперь охранять тебя будет сам Эпимитриус, основатель Аквилонии.

Александриас вышел из храма и улыбнулся. Должно быть, Тот Амон сейчас рвет и мечет, пытаясь отыскать ларец. Но вряд ли он найдет его в скором времени.

— Точно не найдет... — сказал себе Александриас и направился к великолепному коню, стоящему у привязи.

Как только стигийский колдун заполучил этот ларчик, аквилонец понял, что ему пора бежать. И чем быстрее, тем лучше. Он не стал пересекать Стикс вместе с войском стигийцев, а, выбрав момент, украл коня. Кто бы мог подумать, что это окажется скакун самого Тот Амона, и что в седельных сумках отыщется тот самый ларец, из-за которого и поднялась эта нелепая кутерьма!

Подставив лицо прохладному ветерку, Александриас раздумывал, как очаровать принца Нумедидеса, к которому он был приглашен на прием. Весть о герое, бросившем вызов самому страшному колдуну Стигии, мигом облетела столицу, и теперь все аквилонские дворяне жаждали с ним познакомиться. Александриас был уверен в своем будущем, поскольку Аквилония славилась постоянством и крепкой властью. Теперь Александриас заживет, как все...

И уже никогда в жизни он не встретит Конана! Никогда.

Тот наверняка погиб на Зархебе...

Волна накатила с новой силой, накрыв с головой киммерийца и его плот.

— Прах и пепел, — выругался варвар, выплевывая соленую воду.

Более трех лун пробирался он по джунглям, пытаясь добраться до бухты Красных Скал. Многого пришлось ему увидеть и претерпеть за это время. Наконец он добрался до моря и горько разочаровался: бухта была пуста. Никакой корабль его не ждал, и Конан, поминая последними словами Нергала, решился на невероятное, — варвар построил себе плот и на нем вышел в море. Вскоре начался шторм.

Уже третий день плот носило по волнам. И вот — удача! В сумерках Конан разглядел проходящий рядом карак.

— Эй, на корабле! — что есть мочи заорал киммериец. — Человек за бортом!

Надежды, что его услышат, почти не было, но, видимо, Нергал решил пока не забирать варвара к себе.

— Лови веревку! — услышал Конан ответный крик, и в воду полетел канат.

Конану понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы перемахнуть через борт и оказаться на палубе.

В руки ему тотчас сунули флягу с вином, а чьи-то крепкие, мозолистые ладони стали растирать тело Конана жесткой ветошью.

— Где я? — спросил киммериец, и ему ответил надменного вида зингарец.

— Ты на «Вестреле», моем караке. Я — капитан Запорово. Как ты оказался в открытом море?

Но Конан уже не обращал внимание на разодетого щеголя-капитана. Он по-хозяйски осмотрел судно и подумал: «А ведь прав оказался старина Нергал. Будет у меня и судно, будет и команда».

Глотнув вина из фляги, варвар пристально посмотрел в глаза капитана. Тот почему-то вздрогнул.

Значит, дело было так... — начал Конан.